

ДИВЕН БОГ ВО СВЯТЫХ СВОИХ

АЛЬМАНАХ ВТОРОЙ

ИЗДАНИЕ
СУДОГОДСКОГО БЛАГОЧИНИЯ
И КОМИССИИ ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ
ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ

ВЛАДИМИР 2012

По благословению
Архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия

Д44 Дивен Бог во святых Своих. Альманах второй. Издание
Судогодского благочиния и Комиссии по канонизации святых
Владимирской епархии. – Владимир, 2012. 60 с. : ил.

© Авторы статей, 2012
© Комиссия по канонизации святых Владимирской епархии, 2012
© Судогодское благочиние, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Игуменья Иоанна (Смуткина)
Игуменья Тамара (Лихарева), настоятельница
Александровского Свято-Успенского монастыря 6

Марина Торгова)
Монахиня Серафима 21

Мария Торгова
Судогодские священники 28

Протоиерей Феодор Васильевич Соколов 29

Протоиерей Иоанн Алексеевич Язвицкий 30

Иерей Филипп Семёнович Мошно 39

Алексей Ершов
Судьба священника Иоанна И. Рудакова из с. Чирикова 43

Алексей Ершов
О закрытии Никольского храма в селе Языкове 46

Мария Федотова
Письма истории 51

Мария Федотова
Григорий Синжанский – Абрамушка, человек Божий 54

Послесловие 59

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нам никак нельзя умолчать о том, что выходит за рамки нашего времени и земного понятия, и о тех, кто показал в жизни нечто высокое и непередаваемое, будучи земнородным. Будем говорить о новых героях духа, чрез подвиги жизни коснувшихся вечно-го Неба, блаженного жилища, уготованного Жизнодавцем Христом Богом, – подлинного покоя и нескончаемого утешения для понесших неисчислимыя труды с полной отдачей своего бытия. Ожесточенные гонения, ссылки, тюрьмы, истязания, какие испытали подвижники веры, исповедники и новомученики за веру и верность Богу, своему Спасителю, не были для них, бывших на высоте благодатного одушевления, помехой и барьером. Ничто не могло разлучить их от любви Христовой.

Второй епархиальный альманах назовёт для читателей имена святых, проливших свою кровь и отдавших силы души, ознаменовавших землю Владимирскую редким и убедительным примером духовной жертвенности. Они передают миру найденный ими священный смысл и разумение земного бытия как первой ступени к горнему миру. Они поведали своими страданиями, что ценное и преченное достигается самоотдачей и преданностью ему без всякого остатка, мужественным крестоношением, не взирающим ни на какие препятствия, искушения и соблазны, изобретаемые миром. Их жития дают увидеть, что в деле спасения души нет случайностей, что бушующие вокруг неё стихии диких страстей, не могут воспрепятствовать её восхождению к Богу. Есть только одно Премудрое Божие Провидение, устрояющее это высокое состояние и вечное бытие. Хотя внешние гонения на веру и за веру представляются страшны-

ми и мрачными, щемящими душу, однако и они, в конечном итоге, являют миру непобедимость правды Божией – источника стойкости гонимого и страдающего человека, Истины Божией как вечной силы. Прекрасны и удивительны мученики и исповедники Христовы во внутреннем мире своей души; они становятся новым светочем для людей, другим духовным солнцем.

Наше христианство сегодня крайне нуждается в духовной поддержке таких святых исповедников, ибо вера их запечатлена не на словах только, но и делами жизни, так что во свете этой веры очевидна победа её над злом. Бог прославляет и венчает славой и бессмертием тех, кто Его славит своей жизнью, на деле являющейся исполнением Его святейшей Воли. Поистине «дивен Бог во святых Своих».

*Архиепископ Владимирский
и Суздальский Евлогий*

Игуменья Иоанна (Смуткина)
ИГУМЕНΙΑ ТАМАРА (ЛИХАРЕВА),
НАСТОЯТЕЛЬНИЦА АЛЕКСАНДРОВСКОГО
СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Последней настоятельницей Александровского Успенского монастыря Владимирской епархии перед его закрытием была игуменья Тамара (Лихарева). Она происходила из дворянского сословия, отец её – коллежский асессор Василий Яковлевич служил чиновником при Мариинской больнице в Москве, мать Екатерина Ивановна воспитывала пятерых детей. Сын Леонид стал священником (служил в подмосковных храмах), четверо остальных были дочери Любовь (1859-60 г. р.), Мария, Софья, Александра.

Александра Лихарева родилась в Москве в 1866 году. В монастырских ведомостях указывалось, что образование она получила домашнее: «обучалась российской грамоте и писать». По показаниям самой игуменнии Тамары (данным на допросе в 1931 году), она закончила городскую школу (гимназию?) в Москве в 1883 году.

В том же 1883 году, 18-ти лет от роду, Александра Васильевна поступила на жительство в Александровский Успенский монастырь, где монахиней с именем Евфрасия подвизалась её родная тетя, сестра отца Евдокия Яковлевна Лихарева, в этом же году ставшая игуменией. В письмах к благодетелям монастыря Zubovым игуменья Евфрасия пишет и о племяннице, называет её «моя Саша», передает от неё поклоны.

23 августа 1885 года указом Владимирской консистории Александре Лихаревой разрешено было проживание в монастыре.

4 декабря 1886 года, по прошению священнической вдовы села Кривушина Юрьевского уезда Александры Макаровны Доброволь-

ской, указом консистории было разрешено продать половину келлии, выстроенной вдовой в Александровском Успенском монастыре для своих внучек-послушниц, поступившей в монастырь девице Александре Лихаревой¹.

Через восемь лет после поступления в монастырь, указом от 13 ноября 1891 года, была она определена послушницей. Ещё через год, тоже в ноябре, зачислена в штат на монашескую вакансию.

С самого начала Александра Лихарева несла послушание при настоятельских келлиях, а с 1891 года, после открытия монастырской школы, стала в ней учительницей рукоделия – обучала девочек кройке, шитью одежды и вышиванию. В 1901 году был открыт специальный рукодельный класс. За труды по обучению в монастырской школе рукоделию 29 октября 1897 года послушнице Александре было преподано благословение архиепископа Владимирского и Суздальского Сергия (Спасского). За те же труды в школе 6 мая 1901 года преподано ей благословение Святейшего Синода с грамотой.

В 1904 году в нижнем этаже странноприимного дома (сейчас здание магазина напротив ворот по ул. Советской) инокинями было отремонтировано и приготовлено для пострадавших в войне с Японией солдат помещение. На попечение обители с Дальнего Востока вскоре было прислано пять раненых воинов. Ухаживали за ними, перевязывали и промывали их раны послушницы Александра Лихарева и Надежда Варагина.

В январе 1905 года в Москве скончался отец Александры Лихаревой – Василий Яковлевич, погребён он был на монастырском кладбище в Александрове за Успенской церковью.

Священник Леонид Лихарев

¹ ГАВО. Ф. 566. Оп. 1. № 366. Л. 21.

*Монастырская церковно-приходская школа.
Игуменья Евфрасия вторая справа*

24 июля 1907 года, через 23 года после поступления в монастырь, послушница Александра Лихарева, которой исполнился 41 год (до достижения сорока лет постригать не разрешалось), была пострижена в монашество с наречением ей имени Тамара.

В 1909 году монахиня Тамара назначена ризницей (в её ведении священные сосуды, иконы, облачения, церковная утварь). Но при этом она продолжает преподавать рукоделие в монастырской школе.

Указом от 10 января 1909 года² разрешено игумении Евфрасии «принять от жертвовальницы вдовы Екатерины Ивановой Лихаревой и дочери её монахини Тамары 200 рублей и записать на приходы, а потом произвести на эту сумму стенопись в Серафимовском храме, принадлежащем монастырю, при станции железной дороги и записать израсходование в книгу расхода. За сие пожертвование удостоить похоронить жертвовальниц, по кончине их, в монастырской ограде близ Успенского храма». Вполне вероятно, что Екатерина Ивановна и удостоилась этой чести, а вот дочь её ожидала совсем иная судьба.

² ГАВО. Ф. 566. Оп. 1. № 442.

Указом от 15 января 1911 года монахиня Тамара утверждена благочинной Успенского монастыря³.

27 ноября 1913 года, после кончины игумении Успенского монастыря Евфрасии, она была назначена Настоятельницей обители, а 15 декабря того же года – возведена в сан игумении. Нужно сказать, что игумения Евфрасия 30 лет управляла Успенским монастырем, показав себя мудрой и хозяйственной руководительницей, о чем свидетельствовали образцовое состояние монастыря, награды начальства и любовь к ней насельниц, жителей города и благодетелей. Монахиня Тамара, 30 лет находившаяся при опытной игумении, была готова принять бразды правления большой и многочисленной обителью и стала достойной преемницей, только вот управлять ей пришлось менее 10-ти лет и в иное, тяжёлое для Церкви время.

Несмотря на нелёгкое материальное положение монастыря с началом Первой мировой войны, монастырь под руководством игумении Тамары ведёт большую благотворительную работу, отчисляя деньги на различные учебные заведения, на нужды благотворительных и научных обществ.

В музее-заповеднике «Александровская слобода» хранится художественно оформленный диплом (эскиз

³ ГАВО. Ф. 566. Оп. 1. № 449.

Игуменья Евфрасия

Монахиня Тамара

рисовал один из братьев Васнецовых) Императорского Археологического института, выданный игумении Тамаре в связи с избранием её в действительные члены института. Избрана она была, вероятно, по положению об институте, за пожертвование на его содержание крупной суммы денег – не менее пяти тысяч рублей.

Во время войны игумения Тамара пишет письмо великой княгине Елизавете Федоровне, в котором выражает желание разместить в одном из зданий Успенской обители приют для девочек – оставшихся без матерей дочерей солдат, призванных на войну. Она обязуется за счет монастыря полностью обеспечить их проживание и обучение. Но планам этим помешала революция.

Разнообразные усердные труды матушки были отмечены духовными и светскими наградами.

2 января 1917 года игумения Тамара, по ходатайству епархиального начальства, была удостоена Святейшим Синодом награждения наперсным крестом.

Награда эта стала и символом возложения Богом на матушку Тамару более тяжкого жизненного креста – скорбей, переживаний за судьбу обители и сестер, нужды и гонений за веру.

С 1917 года, как руководительница монастыря, игумения Тамара была лишена избирательных прав.

Со первых дней революции начинается разорение обители – отбирают в местный совет почти всю землю, обрабатываемую монахинями, необходимую для огородов и покосов, фактически обрекая их на голод, ведь от находящегося в банках денежного капитала получить проценты было уже невозможно, а при очередном обыске в настоятельской келлии местной Чрезвычайной Комиссией были реквизированы 1000 рублей наличными. Тем не менее стараниями матушки игумении для всех сестёр – а было их почти 300 человек – устраивалась общая трапеза, но на хлеб средств уже не было.

В 1918 году игумения Тамара избирается представительницей от женских монастырей на экстренное епархиальное собрание, созванное в июне того года.

По показаниям самой матушки, в самые первые годы революции, в 1918–1919 годах, в монастыре часто проводились обыски, – по

Александровский Свято-Успенский женский монастырь

доносу искали оружие. Не найдя его, отбирали всё наиболее ценное, называя грабёж модным словом «реквизиция». В архиве монастыря сохранился акт от 20 августа 1918 года об изъятии Александровской следственной ЧК вещей скончавшейся монахини-дворянки, хранившихся у настоятельницы. Игумения Тамара пыталась найти защиту и поддержку у епархиального начальства, но «обжалование Епархиальным Советом действий Александровской ЧК было оставлено Губернской ЧК по борьбе с контрреволюцией без последствий»⁴.

В том же 1918 году Александровским советом реквизированы все жилые и хозяйственные помещения, здание школы, строительные материалы, сани с упряжью, все лошади и коровы. Все, кому было куда уйти, – к родственникам, к знакомым, получили на это благословение игумении Тамары, ведь было просто негде жить, причём те, кто готов был оставаться верным монашеским обетам, могли принять постриг.

⁴ ГАВО. Ф. 566. Оп.1 № 467.

Как говорилось в одном из указов из консистории, отсутствие средств к существованию было вызвано «общей разрухой государственной жизни России». Обитель пользовалась только небольшим участком огородной земли, находящимся близ стен, а из зданий – гостиницей. Многие насельники вынуждены были наниматься к жителям города на тяжёлые труды, чтобы не умереть с голода. Несколько сестёр и один из священников монастыря в эти годы умерли от сыпного тифа.

В 1921 году, в связи с гонениями на монастырь, из оставшихся 53-х насельниц была составлена трудовая артель, в неё входила и матушка игуменья Тамара. Занимались рукоделием для Александровского Промсоюза и для военных, часто вызывались для выгрузки и погрузки товаров на железную дорогу, в советские склады и для разных других хозяйственных работ.

В 1922 году, когда по всей стране развернулась кампания по изъятию церковных ценностей якобы для помощи голодающим, игуменья Тамара была арестована вместе с монахиней Адолией (Афонской)⁵, старшей церковницей Троицкого собора. Довольно подробное изложение этих событий содержится в публикации владимирской газеты «Призыв» от 24 января 1923 года. Корреспондент Торопкин в те годы на страницах этой газеты подробно освещал «доблестную» работу органов ГПУ. Читая его опус, мы и сейчас чувствуем гнетущую обстановку лжи, оговоров, притеснений и бесправия, в которой приходилось жить в то время верующим. Вот она:

Из монастырской жизни (из деятельности Владгуботдела ГПУ).

Не хотели сдать ценности для голодающего Поволжья.

В момент, когда происходило изъятие церковных ценностей по всей республике для того, чтобы спасти миллионы голодающих Поволжья – немало нашлось таких типов из духовенства, которые отказывались давать и старались укрыть ценности под разным соусом.

Не остались в долгу и монастырские крокодилы Успенского женского монастыря г. Александрова – игуменья Тамара и монахиня Афонская.

⁵ Монахиня Адолия (Анна Петровна Афонская), г. р. 1865, урож. с. Донутина Покровского уезда, дочь пономаря, в монастыре с 1893 года, пострижена в мантию 26 ноября 1905 года.

Между Лихаревой и Афонской заключен тайный союз.

11-го марта, когда пришла комиссия в монастырь и начала проверять ценности, то у этих союзников не оказалось описи довоенного времени. А на вопрос: где же опись? по-крестьянски отвечали:

– Что, мол, когда уездчека делали у нас в 1918 году обыск, то её взяли вместе с бумагами.

Казалось бы, таким религиозным лицам, проповедывавшим любовь к народу, можно было и поверить.

Но комиссия решила дела передать на расследование в ГПУ.

На допросе в ГПУ. Показание игуменьи Лихаревой.

– Ваше отношение к Соввласти?

– Сочувственное...

– А вот скажите, где у вас описи церковного имущества довоенного времени?

– А видите-ли, отобрали при обыске в 1918 г.

– Кто отобрал?

– Уездчека.

– А у вас, вероятно, сохранился протокол обыска, где и должно быть упомянуто об отборе описи?

– Копии протокола у меня не сохранилось.

Пришлось допросить лиц, кои производили обыск и которые подтвердили, что никакой описи не отбиралось.

Показание Афонской

Вопросы следователя:

– А вот когда приходила комиссия для проверки, почему вы не показали ей у вас запасную светёлку, т. е. комнату?

– Да просто так.

– Но вы знали о том, что там хранятся сундуки и в сундуках церковное имущество: серебряные лампы 9 шт., иконы в серебряных ризах, евангелие и т.д.

– Нет, не знала.

– А как же вот лампы-то вы с Лихаревой сняли из монастырской церкви 2 года тому назад?

– Я не помню.

– Чем же вы, однако, можете объяснить ваши проделки с Лихаревой.

– Да мы не виноваты.

Отправлены на отдых

Обе укрывательницы арестованы и до суда направлены на отдых в Губисправдом, а дело направлено Губпрокурору.

В показаниях при следующем аресте матушка Тамара говорила, что была судима в 1923 году в г. Александрове за укрытие имущества, осуждена на 2 года лишения свободы и находилась под арестом около полутора лет.

В то время как игумения находилась под арестом, 13 февраля 1923 года, Успенский монастырь в г. Александрове, входящий в число 13-ти особо ценных Владимирских монастырей, был ликвидирован, и всё имущество и ценности были полностью переданы музею.

После освобождения в 1924 году игумения Тамара вынуждена была поехать жить к родственникам в г. Рузу Московской области. Проживала в доме № 43 по ул. Социалистической, у родной сестры Софии Васильевны Крутяковой, жены священника Покровской церкви отца Иоанна, вместе со старшей сестрой Любовью Васильевной. Занималась рукоделием, шила одеяла на продажу.

По доносу вновь была арестована на основании ордера ПП ОГПУ Московской области от 19 мая 1931 года. В квартире произвели обыск, при этом были изъяты все наперсные кресты, металлическая икона, показавшаяся золотой, часы, нитки и ткани для стегания одеял, переписка. Игумении Тамаре в это время было 65 лет, она носила своё монашеское имя – Тамара Васильевна Лихарева, на него были оформлены и документы.

В ходе следствия свидетель показывал:

Монашку Лихареву я знаю хорошо, я проживал до 1931 года рядом с её квартирой. Появилась она в Рузе несколько лет тому назад, ранее была настоятельницей или помощником одного из крупного монастыря. К Лихаревой очень часто приезжали из Москвы духовенство, например она в 1929 году из Москвы привезла архимандрита Аниподиста (это был один из ближайших к патриарху Тихону священнослужителей. – **иг. И. С.**), который до этого был в ссылке и через некоторое время Анеподист из Рузы скрылся.

Имела тесную связь с попом с. Брыньково Ледковским, которого ОГПУ в 1930 г. арестовало.

Лихарева занимается стеганием одеял, к ней я замечал очень часто ходят женщины города, в 1930 году в ноябре или в декабре месяце на улице около своего дома в группе женщин Лихарева вела разговор, что «скоро советской власти будет конец, скорее бы, а то стало совсем народу трудно жить». В её доме часто собираются по несколько женщин среди которых она ведет разговоры, что «советская власть много не просуществует, бог не допустит гибели святой церкви» и рассказывала про себя, что она пострадала за церковь сидела под арестом около 2-х лет.

В предвыборную кампанию горсоветов январе месяце с/г на всех общих собраниях стоял вопрос о закрытии под дом культуры церкви собора. На одном из собраний присутствовала Крутякова Софья бывшая попадья, родная сестра Лихаревой, восстановленная в правах в 1930 г. Крутякова сгруппировала около себя женщин и говорила среди них, «не голосуйте за закрытие церкви, их предложение не пройдет». Сидящая рядом с ней Соколова Ольга выступила и говорила, обращаясь к женщине активистке внесшей предложение о закрытии церкви «прежде чем собор закрыть, мы тебе голову поломаем, коммунистам только гулять нужно, пойдемте бабы отсюда, нам здесь делать нечего». Богатырева Елена жена церковного старосты, говорила: «не дадим закрыть собор, вы его не строили, давайте бабы уйдем отсюда». В то же время монашка Лихарева находилась в фойе дома культуры, где проходило собрание, и около неё собралась группа женщин и у них шел разговор не допускать закрытия собора.

20 мая игумения Тамара была допрошена сотрудником ОГПУ Ивановым, причём свидетель показал, что она была заместителем игумении, и матушка не стала это опровергать – так было безопаснее. «Сейчас считаю себя монашкой-одиночкой», было записано следователем со слов обвиняемой.

Из протокола допроса игумении Тамары:

...Ко мне часто ходят женщины, которые приносят мне работу, агитации среди них не вела. К советской власти я отношусь безразлично, для меня всякая власть от бога. Меня удивляет, почему у советской власти ничего не выходит с колхозами, я считаю, что коммуны не у советской власти, а в монастырях. Больше показать ничего не могу. Показание мое записано с моих слов, мне прочитано: Лихарева.

Вышеизложенного оказалось достаточным п/уполномоченному Рузского райаппарата ПП ОГПУ МО Иванову, чтобы составить

22 мая 1931 года Обвинительное заключение. Вместе с игуменией Тамарой Лихаревой обвинялись четверо послушниц из закрытых подмосковных монастырей. Обвиняемые не были знакомы, объединяло их монашеское звание и проживание на территории Рузского района. Но, рассмотрев материалы следствия по делу № 1, тов. Иванов

НАШЕЛ:

Дело возникло из поступивших в райаппарат сведений, что в Рузском районе монашествующий элемент: ЛИХАРЕВА, КУЗЬМИНА, МАЛОФЕЕВА, МИХЕЕВА И МОЛЧАНОВА ведут систематическую антисоветскую агитацию, направленную к срыву мероприятий Сов. Власти, используя религию, обрабатывают крестьян, особенно женщин, в антисоветском духе, в результате чего имели место среди отдельных женщин крестьянок открытое выступление против мероприятий Советской власти.

Произведенным следствием установлено, что вышеуказанные лица действительно ведут повседневную антисоветскую агитацию, обрабатывают и восстанавливают женщин-крестьянок против Сов. Власти.

Лихарева Тамара Вас. – бывшая зам. настоятеля монастыря имела тесную связь с арестованным и сосланным ОГПУ попом Ледковским, имела связь с высшим духовенством г. Москвы. Проживая в г. Рузе к ней часто заходили женщины среди которых она вела агитацию: в 1930 г. в ноябре месяце в группе женщин около своего дома Лихарева говорила: «Скоро Сов. власти будет конец, скорее бы, а то стало совсем народу трудно жить».

В ее доме часто собирались по несколько женщин среди которых она вела разговоры, что «Сов. Власть много не просуществует, бог не допустит гибели святой церкви».

В предвыборную кампанию вела усиленную агитацию против закрытия церкви собора, используя для этого свою сестру бывш. попадью, которая пользуясь тем, что восстановлена в правах, присутствовала на предвыбор. собрании Горсовета и сгруппировав около себя женщин вела среди них агитацию, говоря: «не голосуйте, их предложение не пройдет».

ЛИХАРЕВА в это время присутствовала в фойе клуба, где проходило собрание и в группе женщин агитировала, говоря, что не надо допускать закрытия церкви-собора.

Обработанные ЛИХАРЕВОЙ и КРУТЯКОВОЙ женщины открыто выступали на этом собрании: Соколова Ольга говорила: «Прежде чем собор закрыть, мы тебе голову поломаем, коммунистам только гулять нужно, пойдемте бабы отсюда, нам здесь делать нечего».

Ч А Ш Е Л :

Дело возникло из поступивших в райаппарат сведений, что в Рузском районе монашествующий элемент: ЛИХАРЕВА, КУЗЬМИНА, МАЛОФЕЕВА, МИХЕЕВА и МОЛЧАНОВА ведут систематическую антисоветскую агитацию, направленную к срыву мероприятий Советской власти, используя религию, обрабатывают крестьян, особенно женщин, в антисоветском духе, в результате чего имели место среди отдельных женщин крестьянок открытое выступление против мероприятий Советской власти.

Произведенным следствием установлено, что вышеуказанные лица действительно ведут повседневную антисоветскую агитацию, обрабатывают и восстанавливают женщин-крестьянок против Советской власти.

1. ЛИХАРЕВА Тамара Васильевна – бывшая зам. настоятеля монастыря имела тесную связь с арестованным и сосланным ОГПУ попом Ледковским, имела связь с высшим духовенством г. Москвы. Проживая в г. Рузе к ней часто заходили женщины среди которых она вела агитацию: в 1930 г. в ноябре месяце в группе женщин около своего дома Лихарева говорила: «Скоро Советской власти будет конец».

Обвинительное заключение по делу 1931 года

Богатырева Елисавета, жена церковного старосты говорила: «не дадим закрыть собор, вы его не строили, давайте бабы уйдем отсюда» (...)

Обвиняемые ЛИХАРЕВА, КУЗЬМИНА, МАЛОФЕЕВА, МОЛЧАНОВА и МИХЕЕВА виновными себя не признали, но показаниями свидетелей в достаточной степени уличаются в антисоветской агитации.

На основании изложенного обвиняются:

ЛИХАРЕВА Тамара Васильевна, 65 лет, происходящая из чиновнической семьи г. Москвы, в последнее время проживает в г. Рузе, грамотная, беспартийная, не замужняя, семьи нет, определенных занятий не имеющая, с 1883 по 1923 г. монашка монастыря г. Александрова где была заместительницей настоятеля монастыря, в 1923 г. судима за укрывательство монастырского имущества, отбывала наказание полтора года лишения свободы, со дня революции до настоящего времени – лишена избирательных прав. (...)

В том, что вела систематическую а/советскую агитацию направленную к срыву мероприятий Советской власти, используя религию, обрабатывая

крестьян в антисоветском духе женщин крестьянок, т.е. в преступлении предусмотренном ст. 58 пун. 10 Уг. Кодекса РФ.

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело за № 1 по обвинению Лихаревой Т.В., Кузьминой Л.К., Малофеевой Е.Д., Молчановой А.А.и Михеевой А.Н. пост. 58 пун.10 УК представить на рассмотрение судтройки ПП ОГПУ МО.

Справка: обвиняемые Лихарева, Кузьмина, Малофеева, Молчанова и Михеева содержатся при камере милиции Рузского РАО.

8 июня 1931 г. Начальником ОГПУ Московской области обвинительное заключение Рузского райуполномоченного было утверждено на том основании, что «материалами дела перечисленные выше граждане достаточно изобличаются в содеянном ими преступлении, в систематической а/с агитации, направленной к срыву мероприятий Соввласти, проводимых в деревне».

Дело было передано на внесудебное рассмотрение Тройки при ПП ОГПУ МО.

Выписка из протокола

Заседания тройки при ПП ОГПУ МО от 10 июня 1931 г.

Слушали:	Постановили:
Дело № 10575 по обвинению: Лихаревой Тамары Васильевны по ст. 58/10 УК.	Лихареву Тамару Васильевну заключить в Исправтрудлагерь, сроком на ПЯТЬ ЛЕТ, с заменой высылкой через ПП ОГПУ в Казахстан, на тот же срок, считая срок с 20/V-31 г. Направить этапом

Через год после отправки в ссылку, Т. В. Лихарева подает просьбу о пересмотре дела, которая была отклонена.

К окончанию срока ссылки игумении Тамаре было уже 70 лет. Несколько лет она, вероятно, прожила ещё в Казахстане, а около 1942 года очень больная и немощная матушка приехала в местечко Павшино под Москвой к брату, священнику Леониду Васильевичу Лихареву, который был в то время по болезни за штатом, не служил.

Матушка Тамара жила в угловой комнате дома вместе с братом. Её присутствие и уход ощутимо улучшали состояние здоровья отца

Леонида. Один из трёх сыновей отца Леонида – Сергей, погиб на фронте в 1941 году, остались его жена и четверо детей. Жили впроголодь.

Одевалась матушка Тамара по-монашески, в руках всегда держала чётки, непрестанно творя молитву Иисусову. Пережитые скорби не поколебали истинных христианских черт её личности: матушку отличали особая доброта, кротость и тихость. Духовная мудрость её привлекала ищущих руководства на пути спасения: родственники нередко видели приезжавших к ней за советом женщин, одетых в длинные чёрные платья.

Несколько раз матушка Тамара приезжала в г. Петушки Владимирской области, где жили многие монахини, освободившиеся из заключений и ссылок. Будущая схимонахиня Лидия (Золотова) вспоминала: «Я видела матушку Тамару один раз, кажется, в 1948 году, но образ её неизгладимо запечатлелся в памяти. Она была небольшого роста, средней полноты, у неё тряслась челюсть и она заикалась. Но, несмотря на это, производила такое приятное впечатление, что не наглядисься. У неё была очень добрая душа, не было вспыльчивости, раздражительности. Приезжала в Петушки одна, без провожатых, с палочкой. Одевалась в монашеское: чёрный подрясник, апостольник, пальто средней длины. Была разговорчивая, весёлая. В тот раз мы вместе ночевали: игумения Тамара, монахиня Евфросиния, и я у печки. Они всю ночь разговаривали, больше говорила матушка Тамара, но о чём – я не помню. По словам монахини Евфросинии, одна из монахинь, живших в Петушках, впала в прелесть, стала высоко о себе думать – и матушке Тамаре удалось привести её к покаянию, кончина её была блаженной. Матушка Тамара приезжала в Петушки на неделю – не могла оставить надолго больного брата». Посещала она и монахинь своей Успенской обители, приезжая в Александров ненадолго, останавливалась жить в Струнино.

Многоскорбный и многотрудный жизненный путь игумении Тамары завершился 14 февраля 1953 года. В Павшино на отпевание её съехались многие из оставшихся в живых монахинь. Место погребения матушки, к сожалению, утеряно, но есть предположение, что похоронена она была за алтарём Боголюбского павшинского храма.

31 января 1994 года заместителем прокурора Московской области А. С. Сугробовым было утверждено Заключение по материалам уголовного дела 1931 года. Обвиняемые «в том, что выступали против проводимых в деревне мероприятий Советской власти, используя религиозные предрассудки крестьян, в частности против колхозного строительства», все пятеро монахинь на основании ст. 5 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, относящей антисоветскую агитацию к деяниям, не содержащим общественной опасности, были реабилитированы.

В архивно-уголовном деле, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации, хранится справка о реабилитации Лихаревой Тамары Васильевны, 1866 года рождения, уроженки г. Москвы...

В ноябре 1991 года был возрождён Успенский женский монастырь в городе Александрове, и возносится в стенах его ежедневная молитва о упокоении души приснопоминаемой игумении Тамары с почившими сестрами. Вечная им память!

Источники:

ГАВО. Ф. 566. Оп.1. № 461, Ведомость о настоятельнице 1914 г. и др. дела.

ГАРФ. Фонд 10035. оп.1. Д. П-37111.

Воспоминания родственников и знакомых.

Марина Торгова **МОНАХИНЯ СЕРАФИМА** (Лидия Сергеевна Виноградская)

Лидия Сергеевна Виноградская родилась 15 февраля 1895 года в Витебске. 24 апреля того же года она была крещена в городском Иоанно-Богословском храме, который был разрушен в 30-е годы прошлого столетия. Таинство крещения совершил священник Симеон Александрович Гнедовский, которому помогал псаломщик Александр Корейшо. Крёстными родителями девочки стали: крёстным отцом – губернский витебский ветеринар Алексей Иосифович Пушкирёв, крёстной матерью – жена надворного советника Геронима Ильича Шелеговского Ольга Владимировна.

О семье Лидии Сергеевны известно лишь то, что её дед, Василий Ильич Виноградский, был священником Троицкой церкви в Зубове, отец, Сергей Васильевич Виноградский, служил, имел чин коллежского, а затем и статского советника, а мать, Ксения Фоминична Виноградская, урождённая Анушкевич, была домохозяйкой. Родной брат отца Лиды, Николай Васильевич Виноградский, в 2000 году прославлен Русской Православной Церковью в сонме новомучеников Бутовских¹. Родители Лидии были глубоко верующими, образованными и благочестивыми людьми, свою любовь к Церкви Христовой и наукам они передали дочери.

В 1907 году Лидия поступила в Московскую женскую гимназию и успешно окончила её 30 мая 1914 года, получив свидетельство домашней учительницы. На этом образование девушки не закончилось, и 30 мая 1915 года дочь статского советника Л. С. Виноградская

¹ Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Декабрь. Тверь: «Булат», 2044. С. 17–19.

Сергей Васильевич и Ксения Фоминична Виноградские

Лидия Сергеевна Виноградская

получила аттестат дополнительного педагогического образования Министерства народного просвещения с правом называться домашней наставницей, а 23 сентября того же года поступила на историко-философский факультет Московских высших женских курсов (предметная книжка № 206), который окончила весной 1919 года. Помимо этого в 1916 году Лидия успешно сдала экзамен по физике в объёме курса мужских гимназий.

В январе 1919 года Лидия Сергеевна уже работала с глухонемыми детьми – воспитательницей – в детской санаторной колонии «Лига спасения детей» в Серебряном Бору, а после перехода колонии в лесную школу «Зенкино», продолжала трудиться на педагогическом поприще вплоть до 1923 года. С 1930 по 1931 – она инструктор по ручному труду в Первом Московском медицинском институте, располагавшемся на улице Погодинка, д. 7.

Связанная духовным родством с архимандритом Симеоном² (Холмогоровым), в 1936 году, в период активного гонения на верующих, арестов и ссылок, Лидия Сергеевна оставила работу воспитательницы и переехала во Владимирскую область, точнее в город Киржач (ул. Свободы, д. 59). Келейно послужив отцу Симеону, Лидия Сергеевна полностью посвятила себя Христу, приняв в 1937 году тайный монашеский постриг с именем Серафима. Это стало началом мученического подвига монахини Серафимы, которая была арестована 15 июня 1937 года как активная «участница к/р организации “Всероссийское иноческое братство”, а также участница а/с сборищ и распространительница провокационных слухов»³.

Из материалов архивно-уголовного дела П-5328 за 1937 год:

...Установлено, что существовала подпольная к/р организация церковников и монашества, т. н. «Всероссийское Иноческое братство»⁴, возглавляемая епископом Поздеевским, нахо-

² Архимандрит Симеон, в миру Михаил Холмогоров родился 29 сентября 1874 года в городе Кунгур Пермской губернии, в семье священника. Духовный писатель. Близкий друг епископа Феодора (Поздеевского).

³ Архив УФСБ по Владимирской области. Дело П-5328.

⁴ «Всероссийские иноческие братства» до революции выполняли функции епархиальных училищных советов и заведовали церковными школами разных типов (городскими, приходскими и епархиальными училищами, воскресными школами), оказывали финансовую помощь и сами учреждали специальные училища и школы: иконописные,

дившимся в ссылке, и архимандритом Холмогоровым с группой своих послушников из бывшего Московского Данилова монастыря на основе к/р платформы ссыльных епископов «Истинно Православная Церковь»... по прямым указаниям руководителя организации Поздеевского⁵ в 1935 году был создан ряд к/р групп – ячеек организации, объединённых в т. н. «домашние нелегальные церкви» («скиты», «обители» и т. д.)...

Монахиня Серафима проходила по делу как «подпольщица церковной группы» под предводительством архимандрита Симеона (Холмогорова) и, отсидев несколько месяцев во внутренней тюрьме Ивановского УНКВД, была этапирована в колымские лагеря Северная Крайняя сроком на 5 лет. Известно, что во время колымского заключения монахиня Серафима выполняла обязанности воспитательницы и домашней работницы у одного из надзирателей лагеря.

пчеловодства, ремесленные (ректор МДА епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) содержал школу-приют «Союз детей», где преподавали воспитатели и студенты МДА); преследовали задачу просвещения взрослых посредством беседований при храмах, организации народных чтений, распространения книг, брошюр и листов, занимались издательской деятельностью. Иноческие братства проводили широкую миссионерскую деятельность, оказывали помощь противораскольническим движениям.

Не согласившись с безусловной лояльностью к коммунистическому режиму, Иноческое братство под руководством епископа Феодора (Поздеевского) не приняло «Декларацию Митрополита Сергия» от 29 июля 1927 года «о соглашении Церкви с Советской властью» и перешло в «Даниловскую оппозицию», отказавшись от поминовения за богослужением заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского, впоследствии Патриарха). Это вызвало волну гонений на православных религиозных деятелей, открыто не пожелавших ввести церковную жизнь в рамки дозволенного советским режимом, и послужило основанием для арестов священнослужителей и мирян, состоявших в Иноческом братстве. Испуг власти хорошо демонстрируют следующие слова из архивно-уголовного дела № 7014-П УФСБ РФ по Ивановской области: «Всероссийское иноческое братство Князя Даниила»... в целях борьбы с советской властью ставило задачу: организовывать, поддерживать и сохранять старые церковные кадры. Систематически их пополнять путем тайных постригов в монашество из мирян, создать свою подпольную церковь, т. н. “Истинно православной веры”, в которую будут собирать церковников и духовенство, враждебно относящихся к советской власти, с целью вовлечь наибольшее количество верующих в антисоветскую деятельность...»

⁵ Архиепископ Феодор (Александр Васильевич Поздеевский) был строгим монахом и аскетом, знатоком святоотеческого богословия и канонического права, пользовался большим уважением среди архиереев. Проходил обвиняемым по групповым делам П-5328; П-8151 (архив УФСБ по Владимирской области) как руководитель нелегального к/р «иноческого братства имени князя Даниила».

Тайная монахиня Серафима

В 1950 году монахиня Серафима нелегально вернулась в Москву и до амнистии жила и работала при школе у своей подруги Анны Якубовской. Последние годы жизни она жила у своей сестры Елизаветы Сергеевны Виноградской (впоследствии схимонахини Сергии), духовной дочери схиархимандрита Захарии.

До последнего дня матушка Серафима не оставляла своего призвания служить Богу и детям: она работала с умственно-отсталыми детьми на дому и была постоянной прихожанкой храма Св. пророка Илии, что на Остоженке (2-й Обыденный пер., 6).

Из дневника монахини Серафимы: «06.02.1954 г. Я была у Мары. Впечатление от ребят хорошее. Серёжа симпатичный, умный мальчик, сейчас у него самый лучший младенческий возраст (3 года). Мара весьма сдержана во всех своих чувствах, ничего не высказывает, живёт своей семьёй и её интересами. Сейчас хвораёт уже месяц после гриппа».

Скончалась монахиня Серафима 27 декабря 1977 года, от тяжёлого недуга – рака желудка. Умирала так тихо и мирно, что родным казалось, что умирает безболезненно. Похоронили её рядом с сестрой Елизаветой на Востряковском кладбище (участок № 148).

В настоящее время жив внучатый племянник монахини Серафимы, внук её родного брата Николая Сергеевича Виноградского, иеромонах Сергей (Виноградский), который трепетно чтит память своих родственников и принимает активное участие в поиске сведений о жизни матушки Серафимы.

Источники:

Государственный архив УФСБ РФ по Ивановской области, архивно-уголовное дело № 7014-П.

За Христа пострадавшие в земле Владимирской: Синодик и биографический справочник. Свято-Успенский епархиальный женский монастырь. Александров, 2000. С. 61–62.

*Церковь Св. пророка Ильи
(со снимка 1881 года)*

Одна из немногих церквей, не закрывавшихся советской властью даже во времена гонений. Москвичи называют её просто «Обыденская», сохраняя так память о том, что построенный на этом месте в 1592 году деревянный храм был возведен в течение одного дня

Марина Торгова
СУДОГОДСКИЕ СВЯЩЕННИКИ

Судогодское благочиние входит в тройку крупнейших благочиний Владимирской епархии¹. До 1897 года в благочиние входило более 38 действующих приходов, состав которых постоянно менялся в связи с административно-территориальными изменениями Владимирской епархии. К каждому приходу было приписано несколько ближайших деревень. Самым крупным считался Александровский приход, который включал в себя 22 приписные деревни. Приходской причт, как правило, состоял из священника, дьякона и псаломщика, но к некоторым храмам было приписано по два-три священника. В штат клириков Судогодского уезда до 1900 года входили 114 человек, из них 42-44 – священнослужители.

Волна закрытий и разрушения храмов Судогодского уезда пришлась на 30-е годы прошлого столетия³. В богоборческий период сталинских гонений на религию аресты и ссылки стали судьбой большинства судогодских священников. Жизнь многих клириков оборвалась расстрельным приговором, других ждала участь заключённых. Те немногие, кому удалось выжить в ссылках, скитались по стране, скрывая свою принадлежность к духовному сословию, уходили в «подпольное служение», кто-то возвращался домой, возобновлял служение в своём полуразрушенном храме и продолжал своё пастырское дело, готовый к повторным арестам и ссылкам.

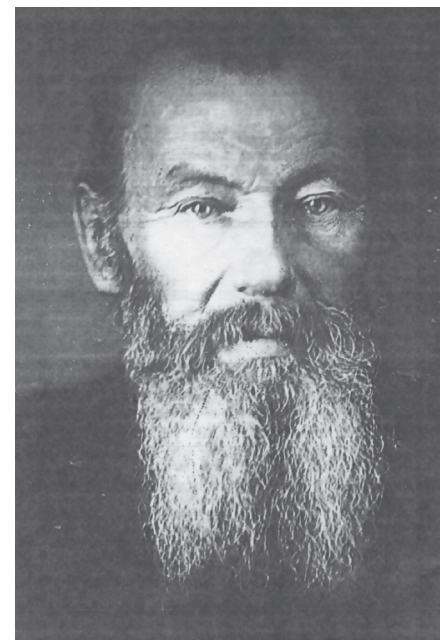
¹ В. Добронравов. «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии». Москва, 1997.

² Сегодня Судогодское благочиние включает в себя 15 действующих приходов. В церковном причте 17 священнослужителей.

³ Белицина Н. В., прот. Г. Морохин. «Судогодское благочиние. История приходов и храмов». Москва–Судогда, 2004.

К сожалению, у нас есть лишь фрагменты биографий судогодских священнослужителей, построенные на воспоминаниях, кратких архивных справках и архивно-уголовных документах, но и этого достаточно для того, чтобы оживить память о тех, кого забывать не должно и невозможно.

ПРОТОИЕРЕЙ ФЕОДОР ВАСИЛЬЕВИЧ СОКОЛОВ
(1867–1936)

*Митрофорный протоиерей
Феодор Васильевич Соколов
(1867 – 4 декабря 1936)*

Священник Феодор Соколов был последним настоятелем Богородице-Рождественского храма села Александрова Судогодского уезда. В этот храм он был определён в 1896 году, через четыре года после окончания Владимирской духовной семинарии. Волею Божией весь свой многолетний пасторский путь священник проходил, служа у престола и окормляя многочисленную паству своего храма – жителей с. Александрова и приписных деревень. За достойный многолетний священнический труд и благотворительность отец Фёдор получил Патриаршую награду – митру⁴.

У отца Фёдора была большая семья: жена и 13 детей. Все вместе они жили на церковной земле

в большом доме. Священник пользовался особым уважением, доверием и любовью не только у односельчан и своих прихожан, но и у жителей соседних деревень, которые часто приходили к батюшке за советом и помощью.

Разрушительный 1930 год не обошёл стороной и семью священника Феодора Соколова. Многодетное семейство раскулачили: вы-

⁴ Информация получена от внучки отца Фёдора, Елены Васильевны Куликовой.

гнали на улицу, не разрешили взять с собой ничего из личных вещей, дом сожгли, а батюшку арестовали, приговорили к ссылке и «отпустили». Исполнения приговора священник ждал шесть лет. Прихожане, как могли, помогали своему священнику и его семье. По сёлам были собраны денежные средства на покупку баньки, в которой и поселился о. Фёдор с семьёй. Несмотря на многочисленные запреты и предписания, священник продолжал служить на дому, крестить, венчать, отпевать и, казалось, всякий раз с ещё большим усердием приступал к молитве, как будто чувствуя, что конец его близок.

Скончался отец Фёдор 4 декабря в день великомученицы Анастасии Узорешительницы из-за продолжительной болезни. Похоронен батюшка за алтарной стеной храма в селе Александрове, где и по сей день неравнодушные люди ухаживают за его могилой⁵.

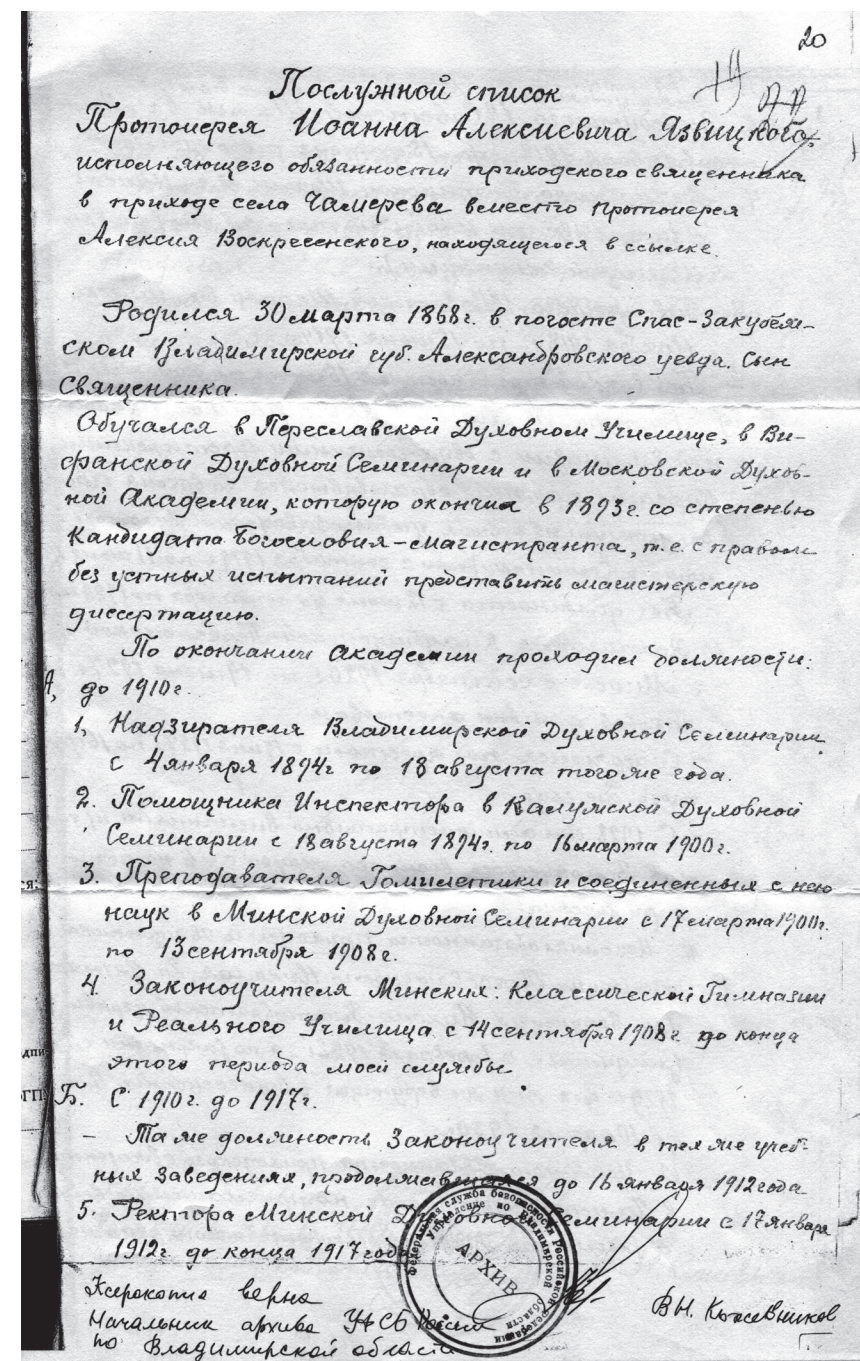
ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН АЛЕКСЕЕВИЧ ЯЗВИЦКИЙ (1868–1936)

Священник Иоанн Язвицкий родился 30 марта 1868 года в погосте Спас-Закубежском Александровского уезда Владимирской губернии⁶. Происходил из семьи Алексея Алексеевича Язвицкого, священника храма Успения Пресвятой Богородицы вышеупомянутого погоста. Среднее образование Иоанн Язвицкий получил в Переславском духовном училище, затем окончил Вифанскую духовную семинарию и, в 1893 году, Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, магистранта – за отличную учёбу имел право представить магистерскую диссертацию без предварительных устных испытаний. После окончания Московской академии он женился на дочери священника и принял духовный сан. В семье о. Иоанна было трое сыновей – Геннадий, Михаил, Алексей – и дочь Таисия.

Из Послужного списка протоиерея Иоанна Алексеевича Язвицкого мы узнаем, что с 4 января по 18 августа 1894 года иерей Иоанн

⁵ Подробнее об о. Фёдоре см. на сайте Судогодского благочиния – http://www.sudogda.ru/ustrada/ustr_36.htm

⁶ До XVII века село Спас-Закубежское относилось к Переяславскому уезду, затем отошло к Александровскому уезду Владимирской губернии, а в результате территориального деления в 20-х годах прошлого столетия погост Закубежский присоединился к Московской области.

Язвицкий исполнял должность надзирателя Владимирской духовной семинарии. Затем – до 16 марта 1900 года – был помощником инспектора Калужской духовной семинарии. В 1900–1908 годах преподавал гомилетику в Минской духовной семинарии.

В 1905 году преподаватель семинарии Иоанн Язвицкий активно участвует в работе минского Братства Казанской иконы Божией Матери, основной задачей которого было умственное и религиозно-эстетическое развитие верующих и оказание помощи нуждающимся воспитанникам духовных заведений. Кроме того, отец Иоанн, при том же братстве, проводил регулярные богословские чтения, предназначенные для интеллигентной публики города Минска. Чтения проводились в архиерейских покоях по воскресным дням и сопровождалась духовным концертом архиерейского хора.

14 сентября 1908 года иерей Иоанн Язвицкий стал законоучителем классической гимназии и реального училища в Минске, где проработал до 1912 года. После Рождества того же года, уже в сане протоиерея, стал ректором Минской духовной семинарии и в этой должности пробыл до переломного 1917 года. Кроме того, отец Иоанн был настоятелем храма святой Марии Магдалины в Минске и редактором минских Епархиальных ведомостей.

В годы революции о. Иоанн оказался в гуще событий, сотрясавших Русскую Православную Церковь. Как и многие другие пастыри, он стремился использовать попущенное Богом время общественных перемен для решения давно накопившихся церковных проблем. 27–28 марта 1917 года в Минске по благословению правящего архиерея, епископа Георгия (Ярошевского)⁷, состоялось пастырское собрание.

⁷ Епископ Минский и Туровский с 6 июля 1916 года. В 1919 году, уже архиепископом, эмигрировал с Добровольческой армией в Сербию, затем в Италию. В 1921 году по Указу Патриарха Тихона от 28 сентября (11 октября) 1921 года принял временное управление Варшавской епархией с одновременным назначением Патриаршим экзархом в Польше. В январе 1922 года возведён в сан митрополита. После «победы» обновленцев в Москве митрополит Георгий собрал в Варшаве в середине июня 1922 года первый Собор православных епископов в Польше и предпринял шаги, направленные на отделение православных епархий, оказавшихся на территории Польши, от РПЦ. Внутрицерковная борьба стала причиной трагической гибели митрополита Георгия. 8 февраля 1923 года он был застрелен потерявшим рассудок ректором Волынской духовной семинарии архимандритом Смарагдом (Латышенко).

На собрании председательствовал ректор Минской духовной семинарии протоиерей Иоанн Язвицкий. Собрание, как и следовало ожидать, вскрыло наконец те недостатки местной церковной жизни, которые долгие годы старательно замалчивались.

В постановлении, принятом на собрании, в частности, говорилось следующее: «К глубокому своему прискорбию собрание вынуждено было отметить... факт почти полной разобщённости Архипастыря с подведомственным ему духовенством. Вникая беспристрастно в причины, породившие указанное печальное явление, пастырское собрание усматривает таковые: 1. В канцелярски-бюрократическом способе общения епископа с подчиненным ему клиром... 2. В наличии безответственных советников при епископе, образующих клику близких к нему доверенных лиц, обычно злоупотребляющих своей близостью к Архипастырю...»

Участники собрания потребовали, чтобы духовенству была предоставлена возможность с благословения архиерея регулярно проводить пастырские собрания, обсуждая на них текущие вопросы церковной жизни; чтобы священнослужители могли свободно и правдиво высказываться о наблевшем на страницах епархиального периодического издания; чтобы при правящем епископе был учреждён Церковно-Общинный Совет (в качестве совещательного органа); и, наконец, чтобы в ближайшее время в Минской епархии был созван съезд духовенства.

Завершилось собрание тем, что 28 марта его участники избрали Временный Церковно-Общинный Совет от городского духовенства. В него вошли: ректор семинарии протоиерей Иоанн Язвицкий, священник Казанской церкви Владимир Хираско, священник Свято-Екатерининского собора Стефан Кульчицкий, диакон кафедрального собора Святых апостолов Петра и Павла Константин Николаевич и псаломщик церкви Святой Марии Магдалины Владимир Терравский.

17-го апреля духовенство Минска собралось вместе ещё раз. Встреча проходила в покоях владыки Георгия под его председательством. Присутствовал викарный епископ Феофилакт. Открывая встречу, правящий архиерей «призвал собрание к спокойному, в духе христианской любви и свободы, обсуждению вопросов». Требования духовенства были приняты, во всяком случае, никто против них не возражал. Присутствовавшие высказались за созыв 15 мая 1917 года съезда духовенства и мирян Минской епархии.

Прелюдией к этому съезду и его своеобразной репетицией стало собрание, состоявшееся в Минске 20 апреля. Оно впервые объединило священнослужителей и мирян. С главным докладом на нём выступил протоиерей Иоанн Язвицкий. Он справедливо отметил, что Православной

Церкви всегда принадлежала «огромная роль в жизни России», но эта роль «обесценивалась тем бюрократическим строем, который царил во всех отношениях в жизни русского государства». Остановившись на мысли о зависимости, которую испытывали со стороны обер-прокурора архиереи, докладчик сказал о том, как много и подчас несправедливо терпело от епископата, в свою очередь, белое духовенство. Коснулся он и тех отношений, которые складывались между самими священнослужителями, заметив, что и сюда «...вошёл дух бюрократизма с его исчадиями – делением на высших и низших, влиятельных и ничтожных, с подслуживанием друг другу, самоуничтожением, недоверием и предательством». В конце доклада отец Иоанн обратил внимание на то, что и отношение дореволюционного духовенства «...к своим пасомым отражало дух бюрократизма...». При этом во всех бедах Церкви он винил исключительно самодержавие, что отвечало, конечно, настроениям того времени, но далеко не соответствовало жизненной правде⁸.

С начала 1917 по 1919 год протоиерей Иоанн занимал должности начальника Пастырской школы в городе Минске и возглавлял 1-ю Советскую школу. Во время польской оккупации в 1920 году стал ректором восьмиклассной Христианской Православной гимназии с двухгодичными пастырскими курсами при ней. Тогда же он принял должность настоятеля Переспенской кладбищенской церкви, в которой был впервые, по доносу, арестован 19 июня 1927 года и находился под арестом до декабря.

Арест, конечно же, был наказанием за непримиримую борьбу о. Иоанна Язвического с обновленчеством⁹.

⁸ Минская епархия в период революционных потрясений 1917 года и во время немецкой и польской оккупации Белоруссии (до марта 1921 г.) // <http://minds.by/article/157.html#sl21>
⁹ «Несмотря на поддержку властей, обновленчество не получило широкого распространения в Минской епархии, в отличие, скажем, от соседних Могилевской, и особенно Витебской, епархий. Оно усложнило местную церковную жизнь, внесло в неё много смуты и неразберихи, но не воспреобладало в ней.

В этом была немалая заслуга епископа Филарета (Раменского) и его ближайших сподвижников, видных минских протоиереев: о. Василия Очаповского, о. Антония Киркевича, о. Стефана Кульчицкого, о. Иоанна Язвического. Сумев противостоять обновленчеству, но боясь новых расколов, они выбрали путь провозглашения... автокефалии. Шаг этот был вынужденным. Он явился следствием их стремления сохранить, уберечь в условиях всевозрастающих церковных разногласий целостность и нерушимость православной веры. Разделение, на которое пошли епископ Филарет (Раменский) и духовенство Минской епархии, не касалось основ богослужения и вероучения. Только единственный вопрос – о юрисдикции – был поднят ими. Весь строй церковной

В 1928 году протоиерей Иоанн был приговорён к административной высылке из Белорусского военного округа сроком на три месяца. По приглашению Вязниковского епископа Николая, отец Иоанн прибыл в город Владимир, где исполнял обязанности приходского священника в Николо-Златовратской¹⁰ и Вознесенской кладбищенской церквях до 1930 года. 18 апреля 1930 года по приглашению прихода и с резолюцией Высокопреосвященнейшего архиепископа Владимирского Павла нёс пастырское служение в селе Спас-Чамерева Судогодского благочиния. Это было последним местом его служения, так как 31 января 1933 года на основании ордера Судогодского райотдела ОГПУ протоиерей Иоанн был повторно арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Из архивно-уголовного дела Ивана Алексеевича Язвического стало известно, что обвинение строилось на показаниях нескольких свидетелей. В том числе

А. Ф. Козырева:

«Язвический в декабре месяце 1932 года нелегально собирал деньги с крестьян своего прихода и продукты высланному за к/р деятельность быв. попу этой же церкви Воскресенскому...»;

жизни сохранялся прежним. Поэтому разделение носило чисто формальный характер. В «Декларации» от 21 июня 1927 года, принятой православным духовенством Минска и его окрестностей, говорилось: «В религиозном сознании православных верующих масс Беларуси всегда была жива мысль об автономии, и в настоящее время в особенности, когда в среде Православной Церкви Всероссийской растут религиозные разногласия, увеличивается число различных церковных группировок. Не желая вовлекаться в борьбу между религиозными церковными партиями, Белорусская Православная Церковь лучшим средством избежать этого считает подтверждение о своей непреклонной воле быть автокефальной». 9–10 августа 1927 года под председательством епископа Филарета (Раменского) в Минске состоялся епархиальный съезд, на котором было заявлено об автокефалии Православной Церкви в пределах Минской епархии. Отчасти это заявление можно рассматривать как реакцию на опубликованное 29 июля 1927 года «Послание пастырям и пастве» Заместителя местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского), вызвавшее немалые волнения в Церкви. Возможно, епископ Филарет (Раменский) и близкое к нему духовенство хотели обособиться от этого «Послания», считая его небезукоризненным, и именно из этих соображений ускорили объявление автокефалии». (Священник Федор Кривонос. Новомученики и исповедники Белой Руси в пределах Минской епархии первой половины XX столетия (<http://www.pravmir.ru/novomucheniki-i-ispovedniki-beloy-rusi/>))

¹⁰ Снесена в 1929 году. На её месте построен жилой дом.

активистки-беднячки М. А. Тихоновой:

«В сентябре месяце Язвицкий ходил по деревне с распространением икон; ...в церкви Язвицкий в своих проповедях обрабатывает крестьян в антисоветском духе, распространяя своё влияние и на детей – предлагая крестьянам воспитывать их в страхе Божиим и оберегать их от соблазнов антихристовых и приводить в церковь, в этом числе и школьников для приучения их слову Божию, в результате многие дети школьники ходили в церковь...»;

благочинного округа А. С. Невского:

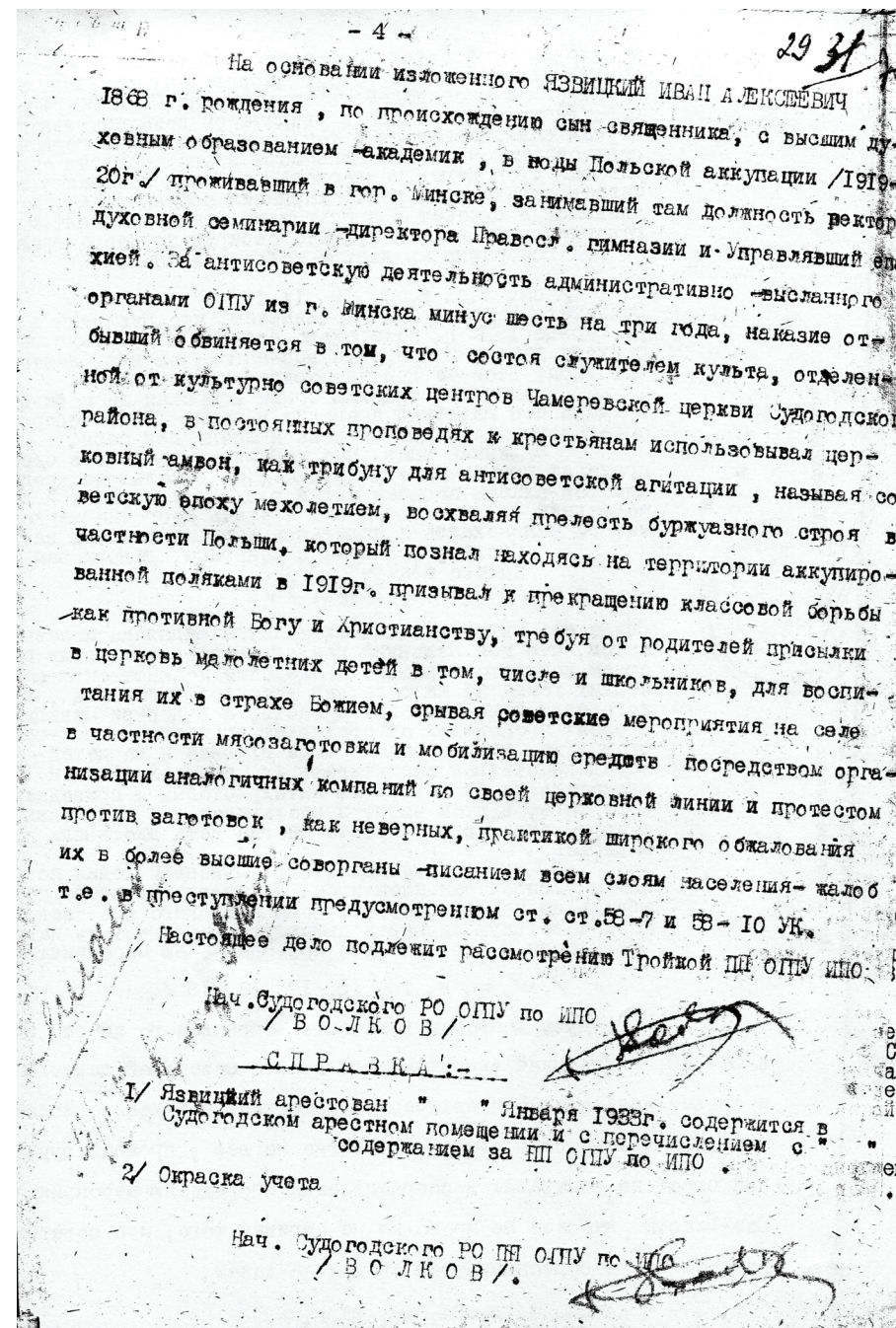
«...Среди нас Язвицкий ведёт себя наиболее непримиримо к советской власти для удобства чего и сохранения себя, умышленно выпросил себе отдалённый глухой деревенский приход, хотя мне, как благочинному, приходили указы о назначении его в гор. собор Судогды. Язвицкий прямо заявлял, что в городах опасно вести работу, в селе же с/совет беспокоить не сумеет... Своих монархических убеждений Язвицкий не скрывает, внедряя их в той обстановке, где служит, отказывается поминать в конце богослужения «Власти предержащих», т. е. существующую власть...»;

дьячка Красовского:

«...Язвицкий умышленно ходит в насквозь покрытом дырами подряснике, жалуясь всем на то, что ничего не стало и трудно жить, хотя получает в год не менее 2000 руб.; ...произносит зажигательные проповеди за сбор денег на церковь; говорит, что мы живём в лихолетье, церковь находится в загоне, верующим надо объединиться и укрепить себя...»;

председателя Синоборского с/совета С. Я. Антонова:

«Я должен заявить, что чрезвычайно тормозит работу среди масс населения и проведение компаний, проживающий в нашем селе поп Язвицкий. Только за 10 дней моего пребывания в с/совете, проводя мясозаготовки я получил от граждан два заявления о сложении с них наложенных цифр, так как они по разным причинам для них непосильны. Оба эти заявления написаны рукой

Лист из Обвинительного заключения по делу Ивана Алексеевича Язвического. 1933 г.

Язвицкого... этим он срывает нашу работу, тормозя её, зарабатывает себе авторитет защитника населения, выставляя нас какими-то извергами...»

Священник Иоанн Алексеевич Язвицкий виновным себя в антисоветской деятельности и срыве хозяйственно-политических кампаний не признал:

«Виновным себя в антисоветской деятельности не признаю; ...амвон в целях антисоветской агитации не использовал и прежний буржуазный строй не восхвалял; ...никаких обжалований по вопросам заготовок я не писал; ...мероприятий совласти я не срывал, а напротив, кому не хватало денег для внесения в колхоз – я им давал: 25 рублей я давал Ивану Алексеевичу (сапожнику) из деревни Михалёво, Рюминой Василисе – 30 рублей. Все факты в антисоветской деятельности, предъявленные мне – считаю ложными и удивляюсь, кто их мог придумать».

Несмотря на то, что отец Иоанн виновным себя в предъявленном обвинении не признал, он был приговорён к 5-ти годам заключения в концлагерь. К сожалению, нам достоверно не известно, где конкретно он отбывал срок заключения¹¹ и какую принял смерть.

Мы надеемся, что живы ещё те, кто помнит отца Иоанна и поделится с нами воспоминаниями об этом добром пастыре.

Источники:

Архив УФСБ РФ по Владимирской области. Архивно-уголовное дело Язвицкого Ивана Алексеевича от 2 февраля 1933 года.

Сайт Минской Духовной академии <http://minds.by/article/157.html>

Минские Епархиальные ведомости за 1905, 1910 гг. Часть неофициальная.

¹¹ На странице Свято-Тихоновского богословского университета kuz3.pstbi.ccas.ru находим, что, по воспоминаниям родственников, о. Иоанн был заключен в Соловецкий концентрационный лагерь. Это свидетельство должно быть отнесено к его последнему аресту в январе 1933 года, а не к аресту 1930 года, которого не было и о котором ошибочно сообщается в неопубликованных воспоминаниях о. Бориса Васильева, на которые вслед за Синодиком за веру и церковь Христову пострадавших в Минской епархии (Витебск, 1996, сост. свящ. Феодор Кривонос – http://www.witebsk.orthodoxy.ru/i/sinodik_minsk_1.pdf) и электронными ресурсами Минской епархии ссылается сайт ПСТГУ.

Священник Филипп Семёнович Мошно (1900–?)

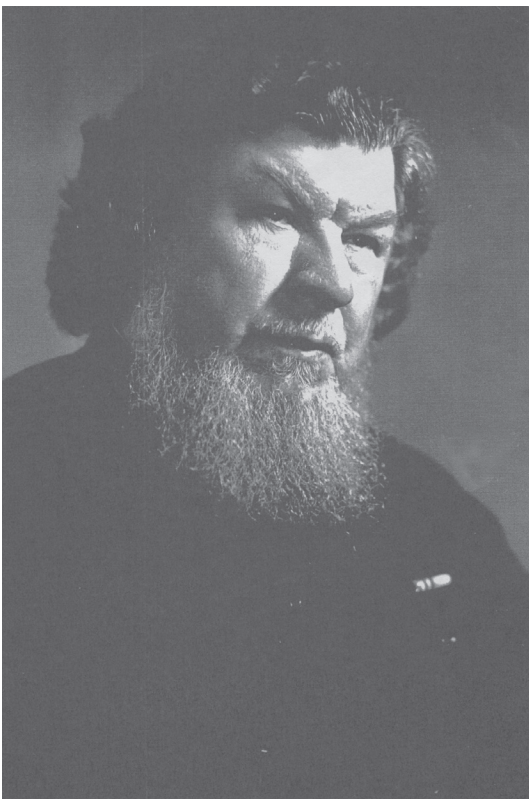
Филипп Мошно родился 9 января 1900 года в небольшом селе Лосева Слобода Павловского уезда Воронежской губернии в семье крестьянина Семёна Мошно. В возрасте 11-ти лет он окончил двухклассную сельскую школу и в 1914 году был определён в певчий хора Чудова монастыря Московского Кремля, так как обладал прекрасным голосом. В 1914–1917 годах псаломничал в храмах города Пензы и в родном селе Лосева Слобода.

В 1919 году Филипп Мошео окончил фельдшерско-акушерскую школу в Воронеже.

Примерно в 1920 году Филипп Семёнович создал семью. В браке у него родилось трое детей. В том же году он решил посвятить себя служению Богу и 20 ноября принял диаконский сан с определением в церковь города Бутурлиновка Воронежской области, в которой усердно служил до 1922 года. Буквально через год служения в Бутурлиновке отец Филипп получил свою первую награду и стал протодиакон.

Известно, что в 1922–1928 годах протодиакон Филипп сменил несколько мест своего ангельского служения: город Бобров Воронежской губернии, город Борисоглебск Тамбовской губернии, город Сталинград. С 1928 до 1930 года (до закрытия храма) служил в Тихвинской церкви подмосковного города Богородска, 26 января 1930 года переименованного в Ногинск.

В 20-х числах января 1930 г. Тихвинский храм был закрыт, так же как и все церкви г. Ногинска. Храм стали разрушать, чтобы переоборудовать под производственное помещение фабрики. Верующие пытались уговорить рабочих прекратить это варварство, но безуспешно. Верующие от всех церквей города послали делегации во ВЦИК с просьбой отменить решение о закрытии церквей. Относительно Тихвинской церкви было сказано, что она не может быть открыта, т.к. находится на территории фабрики. Было обещано, что разрешат вновь открыть только Ногинский Богоявленский собор. Духовенство

Протоиерей Филипп Семёнович Мошно

обложили непосильными налогами. В начале 1930 г. под руководством настоятеля Богоявленского собора протоиерея о. Николая Сперанского было выработано и направлено в Наркомфин коллективное заявление духовенства г. Ногинска с просьбой о снижении налогов.

В 30-м году мольбами духовенства Ногинска и тщанием прихожан был открыт Богоявленский собор, в котором до 25 февраля 1931 года и служил протоиерей Филипп¹².

25 февраля 1931 года произошёл первый арест протоиерея Филиппа Мошно.

Из архивно-уголовного дела П-76242:

В конце января 1931 г. протоиерей Филипп участвовал в собрании, которое состоялось перед богослужением, в присутствии всего причта (настоятеля протоиерея Николая Сперанского, благочинного о. Владимира Борисова, священников Востокова, Соболева, Смирнова, Ласкина, диаконов Уразова, Ландышева, Остроумова, псаломщика Успенского и др.). На собрании обсуждался вопрос о подаче коллективного заявления о снижении непосильных налогов на духовенство. (После этого в Райфо выяснили, что коллективное письмо не будет принято, и каждый должен писать письмо самостоятельно)...

Участие в этом собрании позже стало одним из обвинений, предъявленных протоиерею Филиппу при аресте. Ему также вме-

нено было в вину участие в богослужениях в других сёлах. Так, он участвовал в литургии в церкви села Ямкина совместно со священником этого прихода о. Иваном Строговым. 27 февраля 1931 года протоиерей Филипп был на литургии в Ново-Сергиевом погосте. Во время службы Ф. И. Ленговский, помощник старосты Богоявленского собора, производил сбор денег для собора. За этим богослужением были арестованы служившие священники о. Пётр Соболев и о. Пётр Баженов.

10 мая 1931 года «тройка» при ПП ОГПУ СССР по Московской области предъявила обвинение Филиппу Семёновичу Мошно в участии в «антисоветской группировке священников»¹³ и приговорила его к 8 годам концлагерей.

Наказание по приговору, с 1931 по 1938 год, отец Филипп отбывал в ИТЛ Кузнецстроя, который находился в Западно-Сибирском крае рядом с селом Осиновка. По освобождении и до 1939 года протоиерей был медработником в селе Орловка Будёновского района Ставропольского края.

В 1939 году, по доносу, Филипп Семёнович был вторично арестован. Нарсудом он был приговорён к 5 годам ИТЛ с отбыванием наказания в посёлке Сосьва Серовского района Свердловской области. Отбыв наказание, в 1944 году священнослужитель добровольно ушёл на фронт в 200-й стрелковый полк, где служил санинструктором до 1945 года. 23 августа того же года он был демобилизован из армии.

Известно, что за доблестное служение все судимости с отца Филиппа были сняты, о чём было объявлено перед строем полка.

Отец Филипп вернулся с войны контуженным и с тяжёлыми ранениями. За боевые заслуги имел правительственные награды, в том числе медаль «За победу над Германией», а также юбилейную медаль «50 лет Вооружённых Сил СССР».

В 1946 году отец Филипп овдовел, вернулся в село Алексеевское Московской области и возобновил диаконское служение.

С 1948 по 1968 год отец Филипп служил в различных местах – в Князь-Владимирском соборе города Киева, в храмах Ставрополя

¹² Богоявленский собор стал в Ногинске единственным действующим храмом.

¹³ Дело Ногинского духовенства (1931 год).

и Астрахани в 1961 году был протодиакон Фёдоровского собора в Ярославле¹⁴, а в 1969 году, архиепископом Владимирским и Суздальским Онисимом (Фестинатовым) был назначен на должность протодиакона Успенского собора города Владимира с последующим его рукоположением в иерейский сан.

В мае 1970 года священник Филипп Мошно стал настоятелем Никольской церкви села Юрово Собинского района Владимирской области, а указом от 29 июня 1976 года определён настоятелем церкви Живоначальной Троицы села Заястребье Судогодского района той же области.

В епархиальном архиве имеется Указ №25 от 27 июня 1977 года об увольнении за штат по состоянию здоровья иерея Филиппа Мошно с правом перехода в другую епархию¹⁵.

К сожалению, нам неизвестна дальнейшая судьба священника, день его кончины, неизвестно и место его погребения...

¹⁴ От этого времени в семейном архиве родственников ярославского священника Сергея Флоридова осталась фотография, где «рядом с о. Сергием Флоридовым стоят: справа от него – протодиакон Фёдоровского кафедрального собора Мошно Филипп Семенович, слева – игумен Авель (Македонов Николай Николаевич)» (см. комментарий пользователя Zummer на сайте Ярославского историко-генеалогического общества – <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?s=cd5c0fee726ac2aaf89924f4dbc260ec&showtopic=3907>).

¹⁵ Личное дело священника Филиппа Семёновича Мошно.

Алексей Ершов

СУДЬБА СВЯЩЕННИКА

ИОАННА И. РУДАКОВА ИЗ СЕЛА ЧИРИКОВА

После Октябрьской революции всё церковное имущество было национализировано, так что имущество, которое находилось в храмах стало считаться арендуемым верующими у государства. Время от времени органы местной власти проверяли его сохранность. Нередко такие проверки сопровождались непониманием между верующими и представителями власти. Последние зачастую допускали действия, оскорблявшие религиозные чувства верующих. Например, 19 апреля 1935 года переучёт имущества в церкви с. Клементьева Небыловского (ныне Суздальского) района проводился во время службы и проверяющие оставались в шапках!¹ Необычным был ход событий в с. Станки Вязниковского района. В декабре 1934 года на колхозных собраниях было решено закрыть вторую половину храма (первую ещё в 1930 году переделали под мельницу), хотя все налоги были уплачены вовремя. А вскоре начинается инициированный из Москвы переучёт имущества. Прихожане, заподозрив неладное, пишут во ВЦИК просьбу оставить им церковь.

*Церковь Покрова Пресвятой Богородицы
в с. Клементьева.*

¹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 693. Л. 292–293.

ВЦИК 15 апреля 1935 года запрашивает весь материал по данному делу у облисполкома; тот предлагает Вязниковскому райисполкому оставить церковь в пользовании верующих; райисполком 15 мая сообщает, что церковь в Станках действует и не закрывалась. Наконец 19 сентября того же года ВЦИК пишет в Вязниковский РИК: «Возвратите подаателям прилагаемую жалобу церковного совета Станковской церкви с актом переучёта церковного имущества и разъясните о целях переучёта, т.к. из жалобы видно, что церковный совет не понимает этого и думает, что имущество собираются изъять»².

Но трагичнее всего закончился переучёт церковного имущества в 1929 году (месяц неизвестен) в с. Чирикове Владимирского (сейчас Суздальского) района. Проводил его милиционер Зимин. В ходе проверки обнаружил вещи, не указанные в описи, общим весом 30 фунтов³, о чём составил акт. Объяснял ли он цель проверки имущества, неизвестно. Присутствовавшие при проверке имущества священник Иоанн Рудаков и церковный староста П. В. Бычков посчитали нужным сообщить прихожанам о приезде милиционера. По селу пошёл слух, что церковь закрывают. В близлежащей деревне Велисово член церковного совета Фёдоров ударил в набат в пожарный колокол (по данным следствия, записку ему написали священник и церковный староста). К тому времени, когда Зимин, закончив проверку имущества, вышел из храма, его уже ждала толпа верующих, кричавшая: «Бей его! Не дадим храм!» Попытки милиционера объяснить, что он вовсе и не собирается закрывать храм и даже права на это не имеет, результата не дали – верующие набросились на него. Ворота церковной ограды были закрыты, пробиться к лошади

*Церковь Успения Пресвятой Богородицы
в с. Станки*

не было возможности, поэтому Зимин перепрыгнул через забор и побежал в поле. Навстречу ему шли вооружённые вилами крестьяне из д. Велисово, которых возглавлял Федоров. Милиционер спасся бегством.

Вскоре Владимирский окружной суд приговорил Фёдорова к 10-ти годам лишения свободы, Бычкова, Ракчеева, Корева, Семёнова – к 6-ти годам, Лукьянову – к 3-м, Хореву – к 2-м, а священника Рудакова – к высшей мере наказания – расстрелу. Кассационная коллегия областного суда постановила: в связи с преклонным возрастом Семёнову сократить срок наказания с 6-ти до 2-х лет, а Лукьяновой заменить на условный; кроме того, привлечь к ответственности председателя сельсовета Гушенкова за бездействие во время инцидента. Остальные приговоры остались в силе⁴.

1929 год был временем завершения так называемого «религиозного нэпа» и началом волны новых гонений на Церковь. Это объясняет насторожённое отношение ко всякому представителю власти, проявляющему интерес к храму. Нельзя не обратить внимания, что к высшей мере наказания приговорён только священник, что явно указывает на то, что в то время всё духовенство преследовалось как классовый враг, а Церковь – как враждебная организация.

*Церковь великомученика Георгия Победоносца
в с. Чирикове*

² ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 693. Л. 131–135.

³ 1 фунт = 409,5 гр; 30 фунтов = 13,65 кг.

⁴ Организаторы самосуда // Рабочий край. № 280, 10 декабря 1929 г. С. 4. [Иваново]

Алексей Ершов
О ЗАКРЫТИИ
НИКОЛЬСКОГО ХРАМА В СЕЛЕ ЯЗЫКОВЕ

В 1936 году в с. Языкове Андреевского сельсовета были арестованы и привлечены к ответственности за антисоветскую деятельность священник Дмитрий Григорьевич Левкоев (в апреле) и М. Е. Худякова и Е. Ф. Мельникова-Горькова (в июне).

Следствие утверждало:

«Поп Левкоев вернувшись из ссылки в 1934 г. в с. Языково путём распространения к/р. провокационных слухов, широкой антисоветской и антиколхозной агитации насаждал среди населения недовольство к существующему строю. В своей деятельности Левкоев опирался на церковного старосту Худякову, члена церковного совета Мельникову-Горькову и других.

Осенью 1935 г. обвиняемый Левкоев во время службы в церкви распространял к/р. слухи о положении церкви и духовенства с выпадами против колхозов. С аналогичной агитацией выступала и обвиняемая Худякова.

Худякова и Мельникова-Горькова на собрании единоличников в 1935 году по вопросу о вступлении в колхоз, выступая с к/р. выпадами против советской власти и колхозов призывали крестьян-единоличников не вступать в колхозы.

Обвиняемые Левкоев, Худякова и Мельникова-Горькова осенью 1935 г., выступая с а/с агитацией и к/р. выпадами против Советской власти среди колхозников и единоличников саботировали выполнение госналогов и госпоставок, призывая население к неподчинению законам Советской власти.

Весной 1936 г. Левкоев, посещая дома верующих, распространял к/р. слухи пораженческого характера. Аналогичную агитацию и к/р. слухи... распространяла и обвиняемая Худякова.

Худякова и Мельникова-Горькова в целях разложения колхоза весной 1936 года подбивали вновь вступающих единоличников в колхоз не обобществлять посевы, а среди колхозников вели а/с агитацию за невыход на колхозные работы и призывали выходить из колхоза.

В целях срыва весенне-посевной кампании в колхозе 1936 года Худякова и Мельникова-Горькова, используя религиозные предрассудки верующих, неоднократно срывали колхозные работы. 12 июня с/г. Худякова путем подворного обхода спровоцировала женщин-колхозниц прибыть в церковь на молебствие о дожде, в результате все женщины в этот день на колхозные работы не вышли.

Благодаря разлагающей к/р. деятельности Левкоева, Худяковой и Мельниковой-Горьковой и других церковников колхоз с. Языково доведен до развала. В период весеннего сева под влиянием разложеческой работы попа Левкоева из колхоза самовольно ушли на побочные заработки 36 человек мужчин и 35 человек женщин; из имеющихся в колхозе 32-х лошадей работает – 7, остальные стоят без дела за отсутствием в колхозе рабочих рук. План подъёма паров 310 га выполнен всего на 3%. К уборочной кампании колхоз не подготовлен, машины не ремонтируются».

Священник Дмитрий Григорьевич Левкоев, по версии следствия, возглавлял эту «контрреволюционную группу церковников». В преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 УК РСФСР¹, «сознались» (кавычки мои. – А. Е.) все и были уличены показаниями свидетелей и своими собственными². Худякова и Мельникова-Горькова приговорены к 3-м годам лишения свободы, а священник – к 8-ми; к несчастью, довольно скоро против него прямо в тюрьме возбудили новое дело и 9 января 1938 года расстреляли³.

¹ Ст. 58 п. 10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений». Цит по: <http://stalinism.ru/Dokumentyi/Statya-58-UK-RSFSR.html>.

² АВЕ. Отдел Комиссии по канонизации. Дело Дм. Г. Левкоева. Обвинительное заключение от 16.08.1936 г.

³ Боль и память... Т. 2. С. 259–288; За Христа пострадавшие в земле Владимирской... С. 48.

Этот процесс оказал сильное деморализующее влияние на верующих. Так, уже 10 июня 1936 года церковный совет (4 человека) постановил ходатайствовать перед Судогодским райисполкомом о том, чтобы церковь закрыть и переоборудовать в школу-семилетку. Вскоре состоялось общее собрание жителей села, на котором из 160 человек 73 проголосовали за закрытие церкви, 63 – против, 24 воздержались. 22 июля райисполком утвердил данное решение. 27 июля церковный совет (те же 4 человека) постановили снять колокола и сдать их в Госфонд, так как «колокола при Языковской церкви не являются необходимостью для верующих с. Языкова», и просить райисполком оставить колокола-подзвонки для противопожарных целей (разместить их предполагалось в центре села и по концам).

Материалы отправили в Ивановский облисполком. Казалось бы, судьба храма была решена: церковный совет от него отказался, применение ему было найдено, среди жителей села тех, кто высказался за закрытие, было больше, чем тех, кто против. Но неожиданно 13 августа 1936 года облисполком (председатель – Агеев) отклоняет ходатайство Судогодского райисполкома⁴. Видимо, если для райисполкома было важно, что тех, кто высказался за закрытие, было больше тех, кто против, то облисполком учитывал, что те, кто высказался за закрытие, не составляли даже половины жителей села.

Как писали потом верующие, «при церкви остался один поп Третьяков, которого позднее арестовали». Арестовали отца Василия 27 октября 1937 года и приговорили к 10 годам лишения свободы.

15 июля 1938 года сельсовет и местный колхоз составляют следующий акт: «Церковь находится без всякого присмотра со стороны общины, церковной двадцатки нет, оставшиеся в живых 3 старухи 80-85 лет никакого участия в присмотре за имуществом и церковью не принимают. Ключи от таковой лежат где попало. Церковь нуждается в большом ремонте: крыша худая, стены разваливаются (церковь деревянная)... Просим президиум РИКа церковь закрыть и передать колхозу под школу, т.к. имеющаяся школа к работе непригодна. Район деятельности прихода – с. Языково».

⁴ АВЕ. Отдел Комиссии по канонизации. Дело Дм. Г. Левкоева. Обвинительное заключение от 16.08.1936 г.

Так выглядела церковь в Языкове ещё в 1989 году. Теперь от неё остались развалины

5 августа того же года церковная староста М. Г. Романова пишет в райисполком: «Церковная двадцатка и церковный совет распались; я, Романова, осталась одна, также старостой церковного совета я [себя] не считаю и от руководства его отказываюсь... снимаю с себя всякую ответственность за церковь. ...церковь остаётся без всякого надзора... Хотела ключи от церкви повесить на замок, но мне этого не разрешили, а предложили или созвать общее собрание верующих, или обратиться в рик с отказом. Созвать собрание я не смогла, т.к. не собираются... В 1935 г. [так в тексте. – А. Е.] как я, так и все члены церковного совета от церкви отказались, т.е. церковный совет распался; тогда при церкви остался один поп Третьяков, которого позднее арестовали; в это время председателем сельсовета... и представителями рика произведена опись имущества церкви... Прошу: договор, заключённый между общиной с. Языково с Судогодским риком, расторгнуть, по данной описи 1935 г. произвести проверку наличия имущества в церкви, принять от меня ключи и имущество церкви».

В тот же день Судогодский райисполком постановил: так как «церковь не функционирует с 1937 г. февраля месяца, в настоящий момент церковь находится в полной бесхозяйственности, сторожа не имеется, церковной двадчатки нет, а если которые и остались в живых 3 человека, имеют преклонный возраст 81-85 л., никакого участия в присмотре за церковью не ведут; церковь нуждается в большом ремонте: крыша худая, стены разваливаются, имущество, сданное общине в эксплуатацию [слово написано в соответствии с нормами орфографии тех лет. – А. Е.], растаскивается... закрыть церковь в с. Языкове. Помещение передать под колхозную школу, т.к. имеющаяся школа пришла в негодность (имеющаяся церковь деревянная)».

9 августа была составлена опись имущества (священнические ризы, серебряная ложечка и около 12 кг воска) и акт о том, что ключи сданы и на каждую из четырёх дверей наложено по сургучной печати. 14 августа 1938 года Ивановский облисполком утвердил решение Судогодского райисполкома. 20 августа последний выслал в облисполком акт о приёмке ключей от церкви, опись имущества и заявление о сдаче церкви. Церковь облисполком постановил использовать под начальную школу, а не под семилетку, как планировали местные жители в 1936 году⁵. Так была закрыта церковь в с. Языкове.

В 1948 году прихожане ходатайствовали об открытии храма⁶. Однако действующей церкви в Языкове нет и по сей день, а ветхие останки деревянного храма, взятого под охрану государством и заброшенного, восстановлению не подлежат.

⁵ Боль и память... Т.2, с. 259–288; За Христа пострадавшие в земле Владимирской... С. 48.

⁶ См. об этом: Зин Н. В. Деятельность Владимирской епархии по открытию приходов в 1943–1953 гг. // Записки Владимирских краеведов. Владимир: Транзит-ИКС, 2010. С. 120.

Мария Федотова ПИСЬМА ИСТОРИИ

Во время Великой Отечественной войны советское государство было вынуждено изменить свою политику по отношению к Церкви. В первый же день войны Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский) обратился ко всем верующим с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал народ к объединению в борьбе с ненавистными захватчиками и выразил уверенность в окончательной победе.

Во всех храмах служились молебны о даровании победы. Среди верующих проводился сбор средств на нужды обороны. Взносы в фонд обороны православных общин к концу 1944 года составили более 200 млн руб., а к окончанию военных действий достигли 300 млн руб.¹

Кроме денег, верующие собирали тёплые вещи: валенки, носки, рукавицы, ватники – всё то, что необходимо на войне солдату. Несмотря на патриотическую позицию Русской Православной Церкви отношение большевистского государства к ней в первый период войны практически не изменилось. Принципиальные изменения в церковно-государственных отношениях произошли после знаменитой встречи Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Московского и Коломенского Сергея (Страгородского) и Председателя Государственного Комитета обороны, Верховного Главнокомандующего Вооружёнными силами СССР И. В. Сталина 4 сентября 1943 года в Кремле. Через 4 дня после беседы в Кремле – 8 сентября 1943 года состоялся Архиерейский Собор. При участии 19 архиереев, многие из которых были доставлены в Москву прямо из лагерей

¹ Журнал Московской Патриархии. 1944. № 11. С. 11.

и ссылок, Местоблюститель Патриаршего Престола Сергей (Страгородский) был единодушно выбран Патриархом Русской Православной Церкви².

14 сентября 1943 года Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской Православной Церкви». Председателем вновь созданного государственного органа был утвержден полковник НКГБ Г. Г. Карпов.

Огромное значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской Православной Церкви и утвержденное Правительством 28 ноября 1943 года постановление «О порядке открытия церквей». Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании конца 1920–30-х годов у верующих появилась возможность восстановить деятельность некогда закрытого культового учреждения.

Выражением патриотических чувств народа, его искреннего стремления молиться Господу о даровании победы и надежды на открытие храмов служат многочисленные письма верующих, датированные годами Великой Отечественной войны.

В Государственном архиве Ивановской области сохранились письма-прошения судогодцев, которые пронизаны болью о фронтовых потерях и отсутствием возможности молиться в храмах, которые закрыты.

Вот одно из них:

«Мы, верующие деревни Овцыно, прихода Спас-Беседы испытываем, в особенности в настоящее время, крайнюю нужду в религиозном отношении. У матерей и отцов дети находятся на войне, жёны лишены своих мужей. На войне немало уже из них убиты, искалечены и ранены. Такой скорби не видали даже наши предки, и мы лишены всякого утешения в скорбные дни, вызванные войной со злейшим врагом Родины и христианства. Мы слышим и читаем, что германский фашист превзошёл всякого зверя, разрушает храмы, уничтожает христианство, над своими священнослужителями издевается, не щадя даже церковных работников, а с нашими детьми и мужьями не

² Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М., 1994. С. 121, 122, 124.

знаем уже, как и поступает. Какая же наша скорбь, и нигде мы не можем найти себе утешения, как кроме в храме»³.

В письмах говорится о необходимости храмовой молитвы: «Мы твердо верим, что открытие храма не ослабит никакой работы, но даже усилит у нас всякую работу на благо и защиту родины»⁴.

Люди писали о том, что «печаль от потери своих детей, сыновей, мужей и всю нужду, вызванную войной с германским фашизмом – врагом христианства можно заменить на радость открытия приходского храма, чтобы вознести молитвы о живых и мертвых, а тем более о скорейшей победе над злейшим врагом»⁵.

Случалось, что подобные обращения имели действие и храмы открывали. Сохранившиеся письма служат примером незыблемой веры русского народа в помощь Божию и Его заступничество.

³ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 289. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 10.

Мария Федотова
**ГРИГОРИЙ СИНЖАНСКИЙ –
АБРАМУШКА, БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК**

Ежегодно 18 июля, в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, в с. Синжаны Меленковского района празднуют день памяти широко почитаемого среди местных жителей и населения соседнего Гусь-Хрустального района старца Григория, больше известного как Абрамушка.

В письме к Высокопреосвященнейшему Онисиму (Фестинатову), архиепископу Владимирскому и Суздальскому, будущий святой праведный пресвитер Пётр Чельцов писал: «...Я всегда с большим интересом слушал народные рассказы о живших или недавно скончавшихся лицах, которые религиозная совесть народа отмечала названием “Рабов Божиих”. О таком-то Рабе Божьем я услышал в 1943 году, когда прибыл на службу священником в с. Заколпье Гусь-Хрустального района. Услышал я о старце Абраме, ранее его звали Григорием, но во второй половине своей жизни почему-то он переименовал своё имя и назвал себя Абрамом. Человек преклонного возраста, слепец от рождения. Зимой и летом ходил босиком, от чего на ногах обмороженные пальцы все отпали. Ходил в любое время года без головного убора, без поводья, с высокой толстой палкой в руках. Ощущал ли он перед собой какое-либо мерцание света – не могу сказать, но слышал, будто бы не раз бывали случаи, когда по зимам его, заблудившегося, находили и выводили на дорогу случайные прохожие. Народная молва считала его юродствующим»¹.

Родился Григорий 12 сентября 1868 года в крестьянской семье, в с. Лощинине Касимовского уезда Рязанской губернии.

¹ А. Алаев. Абрам – Божий человек из с. Синжан // Коммунар, 25 декабря, 1996.

Из воспоминаний жителей с. Синжаны: «Его родители, Павел и Анисия, уже имели дочерей Татиану и Евфимию, когда у них родился мальчик Григорий. Гриша родился слепым... Глаз у него совсем не было, даже глазниц не было видно – всё было затянуто кожей.

От великой бедности родители задумали избавиться от больного ребенка. Накануне Крещения, когда стояли сильные морозы, Павлу и Анисье пришла такая мысль: “Давай, отец, намоем слепенького и положим голого на чердак замерзнуть”. Так и сделали. Намыли вечером и голого положили на чердак. В четыре утра встала Анисья и говорит: “Пойду. Павел, сниму слепенького, умою, уберу и скажу – умер”. Открыла дверь, одна нога в коридоре, другая дома, а Гриша с чердака: “Мама”. Анисья и присела на пороге. Пришла домой, зажгла фонарь, полезла, сняла Гришу, принесла домой. Дома спрашивает: “Гриша, тебе не холодно было на чердаке?” “Нет, мама, меня Женщины на всё время одеялом одевала”.

Заступилась Богородица, и Гриша остался жить в семье. Мальчик подрастал, мог ходить, говорил, только ничего не видел.

В три года он дал обет служить Богу. Когда Грише исполнилось девять лет, произошёл следующий случай. У соседки была посеяна рожь, а мальчик все посевы прижал к земле. Соседка бежит к матери Григория и жалуется: “Анисья! Твой Гришка мне всю рожь повалил, прикатал!” Но не прошло и пяти часов, как пошёл сильный ливень с градом. В селе вся рожь погибла, а у соседки на следующий день рожь поднялась целехонькая. Гриша объяснил: “Чтобы соседка голодной не осталась”.

Когда умер его отец, Гриша был ещё подростком. Как-то рязанские купцы поехали на базар в город Меленки, потянулся с ними и Гриша. Купцы вернулись в Рязань, а Гриша остался жить в Меленках. Впоследствии переехала к Грише и мать. Они жили в маленьком домике возле родника Божией Матери. После смерти матери Григорий отдал свой домик юродивому Павлу Правдину, а сам с тех пор начал жить у тех, кто его позовёт. Звали его многие, а Гриша не ко всем шёл жить, он всех людей знал – к кому можно идти, а к кому нет»².

² Жизнеописание старца Григория Синжанского. Воспоминания жителей Меленковского района.

Жил Григорий во многих деревнях: в Томилове, Ратнове, Верхоунже, Коровине, в Синжанах, часто его видели стоящим у паперти храма во имя Архистратига Божия Михаила в с. Приклон. С последним местом связан такой случай: однажды кто-то спросил у Абрамушки, знает ли он Матронушку Анемнясевскую? Тут лицо старца просветлело, он перекрестился и поклонился в ту сторону, где проходила дорога на Касимов, недалеко от которого в с. Анемнясее и жила Матронушка.

В житии Матронушки Анемнясевской (канонизирована как общероссийская святая 20 августа 2000 года, день памяти 29 июля) есть упоминание об этом случае: «Матрёша знала Абрамушку, неизменно отзывалась о нём как о человеке выдающемся: Он хороший, да, он хороший, – говорила она о нём своим посетителям. Однажды, – рассказывает одна из посетительниц Матрёши, – мне пришлось быть в тех краях, и я случайно встретила Абрамушку. Он сидел на церковной паперти. Я поклонилась ему и спросила: Абрамушка, знаешь ли ты Матрёшу? Абрамушка, услышав имя Матрёши, в ту же минуту поспешно встал, снял шапку, повернулся в ту сторону, где она жила, и три раза низко поклонился ей, и при этом больше ничего не сказал»³.

Известно, что они никогда не встречались, но хорошо знали друг друга, находились в духовном родстве.

В Житии также говорится, что «среди окрестных жителей Меленок Абрамушка пользовался большим почётом и уважением, его считали человеком святой жизни и прозорливцем»⁴.

Старожилы вспоминают: «Григорий, или как ласково его называли – Абрамушка, был небольшого роста, круглолицый, слепой, всегда ходил босиком, пальцы были обморожены. Спал на досках, в головах камень ничем не покрытый. Он всё чётки перебирал. Носил только рубаху, а сверху балахон какой-то. Свою плоть не жалел, ноги высовывал в окно. Они у него были опухшие, багровые, он их раздирал, чтобы пили мухи, комары; не жалел Абрамушка своё тело. Когда помоложе был, носил на себе вериги, а на шее – не один, а мно-

³ Житие святой блаженной Матроны Анемнясевской / сост. сщмч. Николай Правдолюбов, сщмч. Владимир Правдолюбов. Издание прот. Сергея Правдолюбова. М.: Святитель Киприанъ, 2001. С. 29.

⁴ Там же. С. 28.

го крестов, и большого размера, тяжёлые. Ночами старец никогда не спал. Сидит, верёвочку распутывает, вытаскивает с трудом. Верёвочка тоненькая, вся перепутана, распутывать не давал. Анна, которая помогала ему, подойдёт и спросит: “Ты что не спишь всю ночь?” А утром встанет, смотрит, а у него все руки в клочья изодраны, всего себя исципал слепой. “Ты что делаешь? Устала тебе руки завязывать, больно?” – «Анна! А как же больно верующему народу сидеть в тюрьме за слова Божии. Вот я их и вытаскиваю верёвочкой!»

А верёвочку ему дедушка Анны сделал, Андрей Иванович. Старец сам попросил: «Скажи Андрею Ивановичу, чтобы он мне свил обору в сорок аршин». Обора – льняная верёвочка. И дедушка стал вить верёвочку. Принесли её старцу, и он с этой верёвочкой сидел всё время, сорокоуст свой вяжет, сорокоуст сделает, опять её развязывает, верёвочку – сорок узелков. Свяжет её, опять развязывает.

Многие воспоминания свидетельствуют о прозорливости Абрамушки. Стоял как-то он в церкви в селе Приклон около дверей. Праздничный день был, и народу было очень-очень много, полная церковь, и было очень много причастников. Закончилась служба, выходит народ, к двери подходит и разговаривает между собой: “Сколько же сегодня было много причастников – не сосчитать”. А Абрамушка отвечает: “А причастилось 38 человек только”.

Блаженный Абрамушка людям всё рассказывал, всё притчами говорил. И так он людям всю жизнь предсказывал. И не всё сначала было понятно, а когда исполнялось, становилось всё ясно.

Пришла к старцу девушка и говорит: “Старец! Я выйду замуж?” Старец говорит: “Выйдешь, через поля, через лес. Мишку в армию возьмут”. Так и получилось: она вышла замуж. От Синжан идут поля, потом лес и дальше Максимова. В Максимова она вышла замуж. Мужа звали Миша. А через два месяца, как вышла замуж, его взяли в армию»⁵.

Сохранилось множество свидетельств о помощи старца Григория многим людям в трудные годы репрессий и Великой Отечественной войны.

⁵ Жизнеописание старца Григория Синжанского. Воспоминания жителей Меленковского района.

Абрамушке суждено было знать день своей смерти. Святой праведный Пётр Чельцов писал: «В конце мая 1943 года прибыли ко мне посланцы от старца Григория: “Старый Абрам просит Вас прибыть – причастить его и пособоровать, он болен и говорит, что уже не выздоровит”. С этими посланцами я и прибыл в Синжаны... Старец Григорий уже не вставал с постели. Сам он поблагодарил меня за прибытие, просил причастить и соборовать его. По окончании службы, при прощании старец просил меня и взял с меня слово, что я прибуду отпевать и хоронить его. Скончался он в июле, в ночь на 18 число – день Обретения мощей Преподобного Сергия Радонежского. Местные жители говорили, что старец обладал прозорливостью. У проходящих к нему душу как бы видел насквозь, высвечивая в ней хорошее и плохое. И всегда давал наставления, учил добродетельной жизни».

Сегодня в Иоанно-Предтеченском храме с. Синжаны хранится как особая святыня тросточка старца Григория, а на сельском кладбище находится часовенка, внутри которой ежегодно в день памяти старца Григория служат литию и читают акафист преподобному Сергию Радонежскому.

Ещё при жизни Абрамушка заповедовал: «Приходите ко мне на могилку, читайте акафист отцу нашему Сергию, просите, и во всём помогу: и в болезнях, и в бедах».

Почитание старца Григория началось сразу же после его смерти. Старожилы вспоминают, что «в первый год после смерти старца на его могилку как бы крестный ход был. На день его памяти, 18 июля, народ шёл вереницей! Казалось, день такой был праздничный-праздничный. Люди с поезда шли пешие по этой дороге. Вереница эта так и не прерывалась, шла и шла, и шла. Люди шли по три человека, где-то по четыре, по два, и шли верёвочкой ровненькой. Поминки были первые годы в деревне в семи-десяти домах сразу, вот так. Очень и очень много было народу – полное кладбище».

Дорога к могилке старца и до сих пор не зарастает. Люди идут, и многие получают помощь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Невозможно переоценить значение духовного подвига владимирских священнослужителей и мирян, пострадавших в первой половине прошлого века за свои религиозные убеждения. Большинство из них подверглось репрессиям, унижениям и пыткам, сознательно отстаивая законное право на веру во Христа. И подавляющее большинство погибло... Сегодня к их судьбам и духовным подвигам возник особый интерес, приоткрывающий тайную часть нашей истории, которая до недавнего времени находилась под грифом «секретно». К огромному сожалению, от многих пострадавших остались лишь имена, о ком-то информация слишком скудна и укладывается буквально в несколько строк, но и этого порой достаточно для того, чтобы память о людях была жива и сохранна. Ради увековечения этой памяти шаг за шагом, по крупицам, было изучено множество архивных документов, описей и справок, хранящихся в Государственных федеральных архивах и в архивах Владимирской, Ивановской, Ярославской, Московской и других областей России, собирались воспоминания родственников и очевидцев того «смутного времени». В архивный отдел Комиссии по канонизации святых Владимирской епархии были переданы уникальные документы, фотографии и письма, которые долгое время хранились в семейных архивах родственников и знакомых пострадавших, а были и такие случаи, когда документы, найденные на чердаках ветхих сельских домов, передавались равнодушными к истории своего края людьми. Все собранные свидетельства жизни, арестов и репрессий легли в основу персональной электронной базы данных о пострадавших в годы гонений священнослужителях и мирянах, чьи судьбы были

связаны с Владимирским краем. Электронный ресурс даёт возможность подробнее узнать о жизни и служении наших земляков в XX веке прошлого столетия, посмотреть их фотографии, фрагменты архивных документов, ознакомиться с воспоминаниями земляков и родственников. Сейчас в БД (<http://www.vladkan.ru/personal.html>) более 992 имён клириков и мирян, 136 из которых – женские. Жизнь каждого третьего из этого списка прервалась расстрелом, другие погибли в лагерях и ссылках. На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года были канонизированы в лике святых те, о ком Церкви уже стало известно, что они до конца жизни оставались верными заповедям Христа, преданными православным убеждениям. В Календарь новомучеников и исповедников Владимирских вошло 48 святых.

Мало кто знает о том, что только за период с 1922 по 1930 год Владимирская епархия потеряла более 800 своих клириков, бóльшая часть из которых была расстреляна, остальная – подверглась нечеловеческим пыткам, издевательствам, была обречена на каторжный труд в лагерях ГУЛага. Те немногие, кому всё-таки удалось выжить, оставили нам бесценные свидетельства о тех страшных годах в виде книг, писем и воспоминаний. Печальный список репрессированных и расстрелянных, к сожалению, постоянно растёт и много ещё архивных дел предстоит изучить, для того чтобы отстоять право на вечную память о тех, кто безвременно и трагически ушёл из жизни, но оставил по себе добрый и заметный след в сердцах родных и близких по духу людей.

Марина Торгова